

A close-up portrait of a young woman with light brown hair tied back, showing her face with prominent freckles and green eyes. She has a neutral expression. The background is a soft, out-of-focus light blue.

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Анна Козн

#ЛИСЬЕ ЗЕРКАЛО

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Анна Коэн

#Лисье зеркало

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коэн А.

#Лисье зеркало / А. Коэн — «АСТ», 2018 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-109668-7

Луиза Спегельраф, дочь Верховного судьи, после революции работает на фабрике. Скрываясь от властного интригана-отца, она старается не выдать благородного происхождения, но все равно оказывается вовлечена в политические интриги. Антуан, новый король Кантабрии, страстно желает вернуть принадлежащий ему по праву трон, но насколько безумна его затея? Жоакин Мейер, борец за равенство, избранный народом президент, крайне харизматичен и умен, но не скрывается ли за благородными словами неумная жажда власти? Невольный обман, случайно оброненное слово – так пишется история.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109668-7

© Коэн А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

#1. Замок-торт и фрейлины	6
#2. Заговорщики из Ривхольма	17
#3. Таланты заурядных швей	32
#4. Карикатуры и уродства	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Коэн

#Лисье зеркало

© Анна Коэн, текст, 2018

© Shutterstock Inc., фотография на обложке, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Анна Коэн – автор романа «Лисье зеркало», первой части трилогии.

#1. Замок-торт и фрейлины

Иногда, чтобы не попасться на глаза Гунниве, Луиза проводила целый день, слоняясь по коридорам и изысканным покоем. «Потеряться во дворце» было ее любимой игрой. На самом деле это было не так уж сложно, ведь он был огромным, особенно для тринадцатилетней девочки. Хотя раньше он казался ей и того больше. Дворец был очень похож на торт; так Луизе казалось, когда она только переехала сюда, лет в пять. Не на воздушный замок-торт из книжки с картинками, а на настоящий, какой однажды испекли на день рождения принцессы: обширный, но приземистый, крепостные стены из рыхло-шоколадного теста, а фигурная крыша выложена пряничками черепицы. Внутри были сливочные стены с прожилками золотых цветов и побегов, глазурь ярких фресок, бисквитные ковры и зефирный потолок с лепниной. Перед сном маленькая Лу воображала себя громадной великаншей и в мечтах съедала весь дворец большой ложкой.

Кроме обязательных уроков, занятий по музыке, этикету и рукоделию у Луизы не было никаких дел, ведь она была слишком мала, чтобы стать фрейлиной принцессы Агнесс, и слишком знатна, чтобы работать. Поэтому она была всего лишь тем, кем ее и отправили ко двору, – воспитанницей королевской семьи, дочерью герцога Спегельрафа и просто Луизой.

За все восемь с лишним лет, что она здесь провела, казалось, ее существование замечали только учителя, кухарки да фрейлины принцессы. Особенно Гуннива. О нет, она не дергала Лу за волосы и не била по щекам, как это иногда делали служанки в людской, фрекен была для этого слишком хорошо воспитана. Когда они были младше, та заманила Луизу на чердак, до смерти запугала историями о Кровавом Петере и убежала, бросив рыдающую девочку в темноте. Гуннива прозвала Луизу Луковицей – из-за плаксивости да рыжеватых, словно луковая шелуха, волос. Она же эти волосы однажды «случайно» опалила огнем свечи, и Лу позорно остригли. Теперь, поднявшись на ступеньку выше своей любимой игрушки, шестнадцатилетняя фрейлина не опускалась до детских шалостей: подай, принеси, стой неподвижно целый час, поддержи, передай... Приказам не было конца, словно Луиза стала служанкой и не смела отказать.

Потому-то она и сидела сейчас в нише высокого окна за пыльной и тяжелой гобеленовой портьерой со сценами охоты и наблюдала осенний королевский парк. Высокое безоблачное небо и золотой пожар деревьев так отличны друг от друга, что больно смотреть. Посреди парка гранитной серой устрицей поблескивает фонтан. Он стоит особняком, листва кленов и дубов укрывает его, делая невидимым со стороны главных прогулочных дорожек. Здесь назначались свидания и разыгрывались сцены ревности всей придворной знати. Луизе больше всего нравилось наблюдать, как кто-то приходил первым и готовился произвести неизгладимое впечатление при встрече: дамы старались привести свои туалеты и прически в состояние «художественного беспорядка», взбивая волосы и раскладывая вуали на бордюре фонтана, на который можно было присесть только, как в дамское седло, бочком – из-за жестких корсажей и турнюров. Кавалеры же старались выглядеть холодно и отстраненно, копируя позу с какого-нибудь монаршего портрета или отгораживаясь книгой. И все они между собой были очень похожи, особенно с высоты Луизиного окна. Менялись лишь сезоны и платья, но смотреть было все равно интересно.

До сумерек оставалась еще пара часов, и площадка у фонтана пустовала, поэтому девочка следила за вальсирующим полетом редких пылинок в солнечных лучах, представляя, как она наконец наденет настоящее дамское платье с открытыми плечами, атласные туфли с золотыми бантиками, перчатки выше локтя и будет танцевать с военными, чья парадная форма так и блещит пуговицами да пряжками, а на фуражке – знак мертвой головы... Страшно романтично! И даже мерзкая Гуннива не испортит такой чудесный вечер. А пока она в этих девчоночьих

платях с широким кушаком и в гольфах просто посмешище. Будто все забыли, что она уже не маленький ребенок и ее нужно одевать как девушку. Кого бы спросить об этом? Точно не фрейлин, они будут лишь издеваться пуще прежнего.

Погрузившись в эти полусонные размышления и согревшись в своем стеклянно-гобеленовом укрытии, Луиза не сразу различила звук приближающихся по коридору шагов. Шли двое мужчин, увлеченных негромкой беседой, то замедляясь, то делая несколько скорых шагов в сторону Луизы. Несмотря на спокойный тон, было ясно, что они спорили. Девочка постаралась стать еще более незаметной, чем была, если такое только было возможно. «Проходите мимо, умоляю, проходите...» – вертелась в голове жалобная просьба, как если бы Лу могла передать ее этим людям. Едва ли ее отругали бы за нахождение в этой части дворца, но она не хотела ни перед кем раскрывать свое любимое место. В итоге, приблизившись к ее окну, мужчины все-таки остановились и продолжили разговор. Теперь Луиза могла слышать каждое слово, хоть и не хотела этого. Прожив большую часть жизни при дворе, она никогда не подслушивала чужих разговоров, а наблюдение за свиданиями в парке было лишь игрой в театр: беседующим парам она дарила реплики из известных ей пьес.

Один голос, смутно знакомый Луизе, звучал старше и суше. Его обладатель говорил тихо, но отчетливо, по манере речи было понятно, что это человек из высших кругов общества. Второй мужчина, обладатель хриповатого, но звучного баритона с развязным говором, был явно моложе. Ко всему прочему он побрякивал металлом и поскрипывал кожей на каждом шагу; можно было предположить, что это военный.

– И все же я понимаю вашу позицию лишь отчасти. Ведь о помолвке принцессы никогда не объявляли официально. Значит, ее нельзя считать расторгнутой. Вам ли этого не знать, вы воплощение буквы закона.

– На вашем месте я бы не стал зубоскалить, капитан. Строго говоря, наши мотивации вас не касаются.

– А что я скажу парням? Что, если они захотят знать, ради чего им стоит сдуть пыль с ружей?

– Из ваших слов следует, что им все равно нечем заняться.

– Но то, что вы так настойчиво предлагаете только забавы ради...

– Не я, но мы. И мы предлагаем вам немалые деньги. Деньги для вас и ваших храбрых солдат – достаточный мотив? Не говоря уже о повышении в звании и положении после всего запланированного.

И тут произошло ужасное: по-мужицки крикнув, безымянный капитан привалился к подоконнику, на котором скрывалась Луиза. Под давлением его могучей спины гобелен натянулся и двинулся на девочку так, что бедный вытканый олень с тремя стрелами в спине оказался у самой ее щеки, а крепежи портьеры жалобно скрипнули, грозя оторваться в любую секунду. Инстинктивно подавив испуганный писк, Лу вжалась в стекло. Теперь она сделала достаточно, чтобы быть строго наказанной, она подслушивала разговор важных людей! Теперь ее, скорее всего, будут сечь розгами, как горничную. Луиза постаралась утихомирить сердце, колотящееся в ушах так громко, что его, казалось, услышат все вокруг, закусила губу и задышала медленно-медленно, тихо-тихо. Даже сквозь плотную ткань портьеры до нее доносился острый запах конского и мужского пота. Страшно захотелось в туалет.

Между тем мужчины продолжили беседу.

– Деньги, да... Вообще-то мы давно ожидали чего-то подобного. Несмотря на ваше предвзятое мнение, многие из командующего состава достаточно умны, чтобы сообразить, что к чему. И те щеголи на площади, которых пнули из столицы, и их дикие идеи... в стране застой, сытый, но застой, так все говорят. По сути, это был лишь вопрос времени и денег. Мы бы и дальше ждали интервенции, чтобы со спокойной душой к ней присоединиться и не потерять

положения, а оно вот как интересно повернулось, и деньги... – Капитан запнулся, будто пораженный собственной многословностью.

После небольшой паузы заговорил старший мужчина.

– Не думаете ли вы, что открыли мне на что-то глаза, капитан? Нам известно о ваших надеждах и мечтах более, чем вы могли предположить. Так чем вызван ваш внезапный поток откровенных признаний? Хотите казаться более надежным союзником, чем являетесь? – Холодным тоном инквизитора он, словно гвозди, вбивал вопросы в собеседника. Тот лихо и глуповато хохотнул, видимо, желая обратить неприятный эпизод в шутку.

– Перед кем еще раскрывать всю подноготную, как не перед Верховным судьей, герр Спегельраф!

Тут Луизу накрыли настоящий ужас и приступ дурноты. Девочка наконец-то поняла, откуда ей знаком этот сухой и тихий голос. Она неловко дернулась, и каблук с металлической набойкой с мерзким звуком проехался по древесине, оставив за собой светлую кривую дорожку содранного лака. В это же мгновение капитан отпрянул от подоконника и рванул портьеру в сторону с такой силой, что крепления все-таки не выдержали и гобелен жалко повис на двух петлях. Перекошенное лицо капитана было страшным, на лице же Верховного судьи не отразилась ни одна эмоция.

– Луиза, что ты здесь делаешь? – спросил он обыденно безразличным тоном, едва приподняв бровь. Точно так же он обращался к ней каждый раз, когда случайно встречал ее во время визитов во дворец.

– Отец... – Она не сдержалась, и крупные слезы закапали, стекая по подбородку на сцепленные руки. – Отец, я не нарочно! Я просто здесь сидела!

– И зачем ты здесь сидела?

– Я... читала.

– Не вижу в твоих руках книги. Ты лжешь мне, Луиза. – И снова его инквизиторские интонации!

– Я забыла взять книгу. – Больше она ничего не могла из себя выдавить, ей оставалось только ждать наказания.

– Герр Спегельраф, это ваша дочь? Что вы будете с этим делать? Она слышала то, что ей не положено!

– Успокойтесь, мой недалекий друг. Она всего лишь глупая девчонка, уж точно не умнее вас. Ну-ка, Луиза, назови мне год коронации Его Величества Иоганна Четвертого, ныне правящего?

От шока голова девочки словно забилась ватой, все мысли вылетели из головы, и, уставившись на туфли отца, Лу не смогла сказать ни слова.

– Как видите, капитан, ничего страшного не случилось. Вы только зря испортили портьеру.

Капитан не был полностью согласен с судьей, но промолчал.

– Иди, Луиза. Займись чем-нибудь более подобающим благородной девице, чем сидение на подоконниках.

Словно сомнамбула, Лу двинулась прочь по коридору. Отец и капитан выжидающе молчали; лопатками она чувствовала их тяжелые взгляды. Едва дотерпев до поворота и скрывшись из их поля зрения, Луиза бросилась бежать, гулко ударяя каблуками о пружинящий ковер. Сквозь пелену слез все виделось как сквозь кривое стекло, а те все текли и текли и, высыхая, щипали кожу. Она уже не помнила ничего из разговора отца с военным, только испытанный страх.

Так и не поняв как, она очутилась на кухне, всхлипывающая в мягких объятьях кухарки Зельды и вытирающая сопливый нос о ее накрахмаленный фартук. Вместо ответов на любой

вопрос Лу могла лишь мотать головой и, только когда ей предложили горячего какао с булочкой, кивнула.

Но не успела она выпить и половины, как в дверном проеме показалась еще одна роковая фигура.

– Вот ты где, – презрительно прищурившись, провозгласила Гуннива. – Пожалуй, тебе тут, на кухне, самое место. Но у меня есть для тебя задание, идем.

Не дожидаясь девочки, фрейлина развернулась и зашагала подальше от кухонных запахов, которые могли пропитать ее восхитительное платье из оливковой тафты. Луизе не оставалось ничего иного, как понуро последовать за своей мучительницей. Возможно, розги были бы лучшей долей.

Правое крыло дворца было не в пример многолюднее любимых коридоров Луизы. Обычно она избегала здесь находиться, но сейчас страх уступил место жгучему любопытству: куда ведет ее Гуннива, да еще и такая недовольная? Лу с грустью подумала, что раньше ей очень хотелось дружить с этой светловолосой фурией и она долго верила, что старшая девочка играла с ней на равных.

Оглянувшись по сторонам, Луиза вдруг осознала, что они зашли в ту часть дворца, которая полностью принадлежала принцессе; здесь располагались кабинет, библиотека, будуар и личный зимний сад Ее Высочества. Повсюду царил вкус девятнадцатилетней Агнесс: каждую полочку, каждую рамку и подлокотник украшали замысловатые завитки, позолоченные ракушки и фигурки пухлых купидонов. В остальном дворце преобладал строгий имперский стиль, словно отражение самого Иоганна Линдберга.

Принцесса Агнесс была из тех счастливых созданий, которых при жизни обожают и почитают: ей посвящали сонеты и оды, романсы и концерты, ее портреты писали во всех возможных техниках, а женщины копировали ее образ. Весь мир словно хотел запечатлеть совершенство юной принцессы. Она была похожа на своего отца, только в смягченной, женственной версии: грива каштановых волос, уложенных по последней моде в высокую прическу с длинными отдельными локонами, распущенными по плечам, лицо сердечком и глаза серые, как грозовое небо. Фигура ее была склонна к пышности, но там, где необходимо, жестко зашнурована и перетянута. Придирчивый критик мог бы сказать, что Агнесс слегка портит нос с горбинкой, но вряд ли осмелился бы. Луиза любила ее, как любят кумиров все юные создания – искренне и бескорыстно, не видя ни малейших недостатков. Но даже когда они находились в одной комнате, что случалось крайне редко, принцесса была далека от нее, как небесное светило.

Поэтому Луиза была взволнована, когда поняла, что Гуннива ведет ее к будуару принцессы. Лу не могла видеть лица девушки, но была уверена, что губы той недовольно поджаты – став фрейлиной, Гуннива старалась держать Луизу подальше от Агнесс.

Они застали принцессу полулежащей на тахте: прикрыв глаза, она слушала замысловатую пьесу для клавикордов в исполнении второй своей фрейлины, графини Адрианы. По лазурным шелковым обоям комнаты порхали райские птицы всех оттенков огня. Сама принцесса была в простом домашнем платье из кремового атласа с вышитыми по подолу темно-синими васильками и виноградной лозой. Заметив вошедших девушек, она оживилась, приподнялась на округлом локте и жестом подозвала их поближе.

– О, я вижу, ты привела свою юную помощницу? Чудесно, Гуннива! Ты уже объяснила девочке, что от вас требуется?

– Нет, Ваше Высочество. – Фрейлина стушевалась. Видимо, Гуннива так злилась по дороге в будуар, что забыла передать Луизе, что было велено.

– Ничего страшного, я сама объясню. Боги, как же я вам завидую – вас ждет настоящее приключение, а меня нет! Сложно быть наследницей престола, столько условностей, – посетовала принцесса, но глаза ее все равно блеснули. – Возможно, тебе это неизвестно, милочка, но в наш город приехала легендарная ярмарка из Олона! Они привезли горы диковинок и чудес! Помню, мы посещали ее с папенькой три года назад... Это было так волшебное и необычно!.. Ох, Дарси, проказник, не мешай мне! – Она бережно, но быстро согнала своего потешного коротколапого песика с тахты; тот возмущенно засопел и пустил слюни на ковер. – О чем это я? Да! Там были огненный фонтан, заводной барабан и фехтовальщики. Будут ли они в этот раз?.. Мне нужно, чтобы вы вдвоем съездили туда и привезли все, что достойно моего внимания. И, разумеется, запомнили и рассказали мне все, что там увидите.

– Но почему же Вы сами не поедете, Ваше Высочество? – Только выпалив свой вопрос, Луиза сообразила, что не надо было этого делать. Вдобавок Гуннива не преминула ткнуть ее пальцем под ребра за такую дерзость.

– Разумеется, ты не понимаешь, милочка, – хохотнула принцесса, изящно прикрыв рот кружевным веером. Похоже, она была в приподнятом настроении, поэтому пустилась в путаные объяснения. – Все дело в политике, глупышка. Отец говорил, что обстановка сейчас напряженная, поэтому мне нельзя выбирать не то что на ярмарку, но даже за территорию дворца. – Она состроила недовольную гримаску. – Это довольно скучно. К тому же олонцы не берут в свои торговые путешествия женщин, поэтому мне также нельзя там появляться – это непристойно для принцессы. А с вас никто не спросит, особенно если об этом не узнают. Строго говоря, вы едете инкогнито, никто не должен знать, что вы туда ездили и что для меня привезли. Я же говорила, это будет приключение! – Принцесса снова залилась звонким переливчатым смехом.

Луиза все еще недоумевала.

– Но я же не фрейлина...

– А разве тебе не приятно выполнить поручение Ее Высочества, глупая ты девчонка? – сквозь зубы прошипела Гуннива.

– О, тут все просто. – Принцесса, казалось, не замечала напряжения между девушками и оставалась совершенно беззаботной. – Одной ехать просто невозможно, нужна помощь с покупками. А отсутствие сразу двух фрейлин за ужином будет слишком подозрительно. Верно, Адриана?

Вторая фрейлина с важностью закивала, не отрываясь от клавиатур.

– Представления начнутся вечером, едва станет темнеть! Так что поторопитесь и отправляйтесь прямо сейчас! Вас ждет карета.

Присев в реверансе, девушки покинули будуар.

Редко доводилось вот так запросто, незапланированно вырваться из дворца, поэтому Луизу радовала каждая мелочь: и посеревшее к вечеру небо, полное мелких тучек, и узкие улицы, зажатые между рядами поросших мхом и плющом домов. Плющ убивал дома, обвивая их снизу доверху, пронизывая и расшатывая камни, но был совершенно неистребим. Со стороны канала доносился сочный запах рыбы и резкий – йода. Гуннива не выносила подобных гадостей; Луиза же напоминала щенка борзой, которого взяли с собой в поездку: нетерпеливо ерзала, высунувшись в окно, и старалась впитать максимум свежих впечатлений.

Королевский дворец находился на самой высокой точке города, куда не добирался дым из фабричных труб, поэтому в погожий день из окон верхних этажей было видно море с уходящими кораблями и пароходами, но не сам порт. Дорога к берегу змеилась вниз по холму. Кучеру было дано указание оторваться от возможной слежки (хотя принцесса, вероятно, заиг-

ралась в авантюрный роман), и тот подошел к заданию ответственно. На одном из перекрестков он свернул в сторону трущоб, да так лихо, что девушек подбросило в карете. Изысканная черная шляпка Гуннивы свалилась на пол, а Луиза прикусила язык. Выглянув в окно, она увидела улицы гораздо более грязные, окна, занавешенные драным тряпьем, лица женщин и мужчин, уставших после работы. Ватага чумазных ребятишек с гиканьем бросилась вслед за каретой, которая была слишком нарядной для этих улиц. Мельком Лу увидела загорелого старика в ярком шейном платке, бегло играющего на гармонии какую-то народную песню.

Разозленная поломкой фазаньего пера на шляпке, фрейлина решила сорвать злобу на младшей девушке:

– Запомни хорошенько это место: как только тебя вышвырнут из дворца, как вышвырнули из дома, поселишься здесь!

– Прошу тебя, хватит!.. Я такая же герцогиня, как и ты! – Луиза пробовала защититься – как и прежде, безрезультатно.

– Здесь будешь принцессой, – хихикнула Гуннива, сверкая ореховыми глазами. – А как только встретишь Крысиного Короля, он сделает тебя королевой помойки!

Луиза поняла, что, отвечая, она только подзуживает насмешницу, поэтому снова отвернулась к окну, стараясь думать лишь о предстоящей ярмарке.

Они проехали портовую набережную, доки и наконец приблизились к пустырю, где разбили свой лагерь олонцы.

Посреди серой пустоши, откуда еще видны были скелеты строящихся кораблей, неуместными яркими пятнами расцвели малиновые шатры и желтые тенты, подсвеченные снизу факелами и бумажными шариками фонарей. Подъехав ближе, девушки уже могли различать зазывные звуки ярмарки: посвист торговцев, трещотки и далекий гул барабанов. Становилось ясно, насколько масштабно это событие: размеры ярмарки были огромны.

– Дикие забавы. – Гуннива передернула плечами, укрытыми черной кашемировой шалью, и поправила прическу. – Не понимаю, зачем все это нужно. Для торговли есть магазины, в них бы и продавали свои безделушки.

Луиза не слушала ее – она смотрела во все глаза, полностью поглощенная необычным зрелищем. До этого ей почти не приходилось видеть ярмарок, тем более чужеземных. Только дважды ее брали с собой на народные зимние гулянья в составе свиты; там все катались на коньках и пили горячий ягодный сбитень. Здесь все было иначе, она это уже чувствовала – в этот вечер словно открылись ворота в другой мир: разноцветный, полный чужих запахов и звуков.

Ближе к берегу, где стояли палатки поскромнее – для ночлега олонских купцов, – имелось особое развлечение: к вбитым в землю кольям были привязаны два удивительных ярких аппарата – воздушные шары для путешествий по небу. Расписанные драконами и птицами полотняные пузыри уже наполнились горячим воздухом и готовы были отправиться в полет, только заплаति. Любопытные горожане окружили шатры, а самые смелые готовились забраться в корзины для пассажиров.

Наконец дворцовая карета заняла свое место среди прочих, и они вышли навстречу олонскому фестивалю. У входа под первый тент их встретили два рослых чужеземца с золотистой кожей и раскосыми темными глазами. Почтительно поклонившись, они жестами предложили девушкам войти. Внутри уже прогуливались горожане всех возрастов и уровней достатка. Гунниву, которая прекрасно чувствовала себя при дворе, раздражало общество простолюдинов, поэтому она держалась зажато и очень прямо.

Луиза вдруг осознала, что никогда не видела такого скопления людей в одном месте: здесь собрался весь город – и даже больше, ведь в столицу за товарами прибыли даже из отдаленных поселений. Были и семьи с одетыми в добротные полосатые костюмчики маленькими детишками, которых матери пытались собрать и призвать к порядку; были и лихого вида моряки, всегда жадные до зрелищ; работяги с мануфактуры ходили, засунув руки в карманы пиджаков, поплеывая на песок. Они обменивались грубоватыми шутками и явно пытались раззадорить невозмутимых олонцев. Молодые горожанки, нарядившиеся в свои лучшие платья, шляпки и шали, сбившись в стайки, толпились у прилавков со сладостями. В этой пестрой густой толчее смешались все сословия; все были равны перед лицом чудес. Каждый проникся атмосферой праздника.

Луиза сразу заметила, как дети, сидя на корточках, держат в руках искрящиеся нити с маленькими фейерверками на концах. Когда искры касались пальцев, малыши возбужденно повизгивали. Лу тоже ужасно захотелось поучаствовать в забаве и потрогать такую кусачую звездочку, но в компании насупленной фрейлины все равно пришлось ограничиться наблюдением.

Вокруг разливался густой сладкий запах специй, среди которых Луиза могла различить только корицу. Справа от входа гостей угощали национальным напитком из молока, сдобренного травами, коричневым сахаром и перцем. Его разливали прямо из чугунного котла в маленькие глиняные пиалы.

Выстояв очередь, в которой были в основном девушки возраста Гуннивы, посланницы купили несколько кулчков сладостей, состоящих по большей части из риса и меда. На деревянных ящиках, накрытых зеленым шелком, были разложены товары: домашняя утварь из меди, дерева и кожи, увеличительные стекла, заводные игрушки и свечи разных форм и расцветок. Но нужны были покупки другого рода, и девушки проходили все дальше вглубь торговых рядов – мимо музыкантов со скрипками странного вида, мимо фехтовальщиков длинными копьями, мимо зверинца с хищными котами, мимо театра танцующих автоматов, которых не было видно из-за шумной толпы зрителей.

Девушки немного задержались посмотреть на пляску рыб: в шатре с тремя стенами стоял огромный, в два человеческих роста, шарообразный аквариум с черно-золотыми пятнистыми рыбками размером с ладонь, чьи хвосты походили на крохотные кусочки шифона, опущенные в воду. Рядом на боку стоял барабан, почти такой же большой, как и аквариум. Свирепого вида олонец, одетый только в набедренную повязку, выстукивал на нем сложный ритм, отчего вода в аквариуме ходила ходуном, а рыбки косяком бросались то в одну, то в другую сторону, ведомые течением и своими сородичами.

Насмотревшись на рыбок, Гуннива устало застонала:

– У меня разболелась голова, пойдем уже дальше...

Луиза отметила, что впервые за долгое время не услышала в голосе фрейлины желчи, и поспешила вслед за ней. Наконец они нашли лавку с товарами, которые не оставили бы равнодушной ни одну девушку: гребни с речными жемчужинами, музыкальные шкатулки, инкрустированные перламутром и эмалью, с секретом и хитроумным замочком, миниатюрные записные книжки, отрезки шелка сказочных расцветок и звенящие в потоках воздуха металлические трубочки «песен ветра». Здесь тоже толпились шумные городские девицы, которые с энтузиазмом запускали пальцы в груды бус и перебирали платки. Немного потолкавшись, Гуннива со знанием дела принялась выбирать сувениры для принцессы. Луиза полностью доверяла ее вкусу и просто рассматривала прилавок. Особенно ей приглянулся отрез серебристого шелка в нежно-розовых пионах, которые были настолько капризны, что не росли даже в королевской оранжерее. Протянув руку, она погладила ткань – та скользила под пальцами, как кошачья шкурка. Внезапно Луиза ощутила, как кто-то настойчиво дергает ее за край платья. Обернувшись, она увидела крошечную старушку со сморщенным, как картофелина весной, лицом. Та

была укутана в сливового цвета хламиду с длинной бахромой и увешана яшмовыми бусами, которые, оттягивая ее тонкую шею, словно пригибали женщину к земле. Протянув к девочке скрюченную лапку в массивных перстнях, старушонка настойчиво залепетала тонким голоском с сильным акцентом:

– Будусейе, девчонке, хочис?

Луиза отшатнулась:

– П-простите, что?

– Да-да, хочис свое будусейе, девчонке? Я говорить!

Тут Гуннива подошла к ним и сурово отстранила их друг от друга:

– Нам ни к чему твои шарлатанские штучки! Поди прочь, старуха.

Та оскорбленно фыркнула, плюнула фрейлине под ноги и посеменила прочь, бормоча что-то под нос.

– Чего она хотела? Я не поняла.

– Конечно, ты же глупа как пробка. Она хотела напести тебе сказок про волшебное будущее, а заодно обчистить до нитки. Держись от таких подальше.

Луиза заметила, что торговец, одетый в зеленую куртку с короткими рукавами и фарфоровую улыбающуюся полумаску, недовольно нахмурился и издал странный цокающий звук. Знал ли он эту женщину, пожалуй, единственную олонку на всей ярмарке? Тем не менее, упаковав все покупки, он вежливо поклонился и пожелал долгих дней и богатства. Гуннива с облегчением вздохнула и сказала, что пора возвращаться во дворец, да поскорее. Посланницы направились к выходу.

Но на последнем повороте Луиза увидела нечто, заставившее ее остановиться и замереть. На широкой кадке, опрокинутой вверх дном, стоял юноша в кожаной жилетке и шафраново-желтых шароварах и с четырьмя факелами в тонких руках. Воткнутыми в серый песок факелами была окружена и импровизированная сцена. Высокий, бритый наголо, он точно не был олонцем: слишком светлая кожа, слишком большие глаза. В свете огней юноша сиял капельками пота, будто чешуей, а кисти его были черными от сажи. Факелы летали и плясали, вычерчивая огненные рисунки в сгущающейся темноте, каждый трюк сопровождался бурными аплодисментами и громкими криками. Наконец факир раскрутил их с такой силой, что полосы оранжевого пламени образовали идеальные огненные круги, а затем по одному побросал их своим помощникам. Народ ревел и топал, требуя продолжения, – никто не хотел так легко отпускать огненного фокусника. Тогда жонглер широко улыбнулся, отвесил шуточный полупоклон и выдернул из песка один из факелов, освещающих сцену, который был гораздо длиннее предыдущих. Представление продолжилось. Луиза поняла, что этим факелом он повторяет приемы олонских копейщиков с большой сцены. Ей хотелось так же восторженно вопить, как и остальные в толпе, но она не смела. И тут жонглер высоко подкинул факел, поймал его над головой горящей частью вниз и, запрокинув голову и открыв тонкогубый широкий рот, проглотил огонь, словно трепыхающуюся золотую рыбку. Судорожный вздох прокатился по толпе зрителей, все замерли, и, казалось, время на секунду остановилось. У Луизы пересохло во рту, она даже моргнуть боялась. Жонглер обернулся к замершим людям, хитро подмигнул и резко выгнулся назад, одной рукой коснувшись кадки за собой, а другую протянув к темному небу.

И начал выдыхать огонь.

Пламя лилось вверх, как струя фонтана, а на лице юноши было написано такое упоение, словно в этот момент он целовал прекраснейшую женщину на земле, словно он был тем самым древним божеством, что принесло на землю огонь. Толпа пару мгновений пораженно молчала, а потом взорвалась новыми ликующими криками. Выплюнув последнюю искру, фокусник соскочил со «сцены» и скрылся за шатрами. Монеты дождем посыпались на кадку. Теперь все были удовлетворены зрелищем.

Притихшую, изумленную Луизу схватила за плечо крепкая рука и развернула ее. На Гунниве лица не было от гнева.

– Мерзавка! Да как ты смела! – Она уже обеими руками трясла Лу за плечи. – Я заметила, что ты пропала, только возле карет, мне пришлось возвращаться и искать тебя! Что бы я сказала во дворце, дрянь ты такая?! И покупки у тебя!

И вновь Луиза понуро поплелась за фрейлиной. Праздник для нее закончился. Покинув торговую площадь, они в почти полной темноте добрались до кареты. Всю дорогу Гуннива сыпала изощренными проклятиями и упреками, но Луиза не чувствовала стыда. Ведь сегодня она видела огненный фонтан.

За последний месяц жизнь Луизы изменилась кардинальным образом. Иногда ей даже казалось, что она подлетела слишком близко к солнцу: принцесса Агнесс так прониклась ее эмоциональным описанием всего произошедшего на фестивале, что оказывала ей особую милость, приглашая в свой будуар на ежедневные чаепития. Пробуя изысканные пирожные и другие лакомства, принцесса часто просила пересказать тот или иной эпизод. Она также дала специальное указание, чтобы Луизе устроили спальню поближе к покоям Ее Высочества. Все чаще Луиза оказывалась в компании принцессы и фрейлин, где у Гуннивы уже не было над помощницей такой власти, как прежде.

Новая комната была чуть меньше предыдущей, но более пышно обставлена: все те же излюбленные принцессой купидоны и тяжеловесный балдахин над кроватью нравились Луизе все больше и больше. Однако было кое-что, нарушавшее ее нынешнее блаженство, помимо кислого лица Гуннивы и ее редких тычков украдкой. Тревожные сны преследовали Луизу из ночи в ночь: плутая в толпе, натываясь то на чужую спину, то на плечо, она искала и искала того проводника, что выведет ее из толпы. И находила его, ехидно ухмыляющегося и сияющего в фестивальных огнях. Он, подобно дракону, изрыгал огонь ей в лицо, сжигая волосы и платье, выпускал черный дым из ноздрей. А после звал за собой. Протягивая ему руку, Луиза обычно просыпалась.

Сегодняшней ночью ей снился все тот же сон, только хождения в толпе были дольше обычного и пламя вспыхивало то с одной, то с другой стороны, путая девочку. Наконец поток спасительного огня метнулся ей в лицо, принося почти облегчение, но за ним последовал звон бьющегося стекла. Содрогнувшись всем телом, Луиза подскочила в кровати, натягивая на себя покрывало. Увиденное шокировало ее: большое окно рассыпалось осколками по всему ковру. За окном виднелся столп пламени, пожирающий дальний флигель, как лучину. Дым заволок ясное ночное небо. До Луизы, словно сквозь толстую перину, доносились отдаленные крики и выстрелы. Теперь она осознала, что происходящее не было продолжением ее сна. Лу встала с кровати, быстро обулась в атласные домашние туфли и осторожно выглянула в коридор.

Первым ее порывом было броситься в комнаты принцессы, точно к острову покоя в этой пугающей ночи. Она уже достаточно далеко прошла по коридору, когда разглядела спешно приближающиеся фигуры. Бежать обратно было бессмысленно, и, по старой привычке, Луиза метнулась за синюю бархатную портьеру у окна и забралась на подоконник, как делала уже сотни раз. Девочка притаилась.

Бегущие люди были все ближе и ближе. Она робко выглянула в щель между полотнищ портьеры. В приближающихся мужчинах она сразу опознала Его Величество короля Иоганна и двух его личных гвардейцев, чьих имен Лу не знала. За ними следовала небольшая группа военных, тем не менее превосходящих в числе королевскую охрану. Когда военные настигли короля в паре шагов от ее окна, Луиза крепко зажмурилась, будто это могло предотвратить последующие события.

Коридор взорвался выстрелами и криками, затем – глухими ударами падающих тел. Мгновение спустя она услышала шаркающие шаги в свою сторону, и вскоре раненый человек упал на подоконник рядом с ней, натянув своим телом портьеру. Человек бессвязно забормотал и захрипел. Луиза поняла, что ее и истекающего кровью короля разделяют всего лишь складки ткани.

– Долой... власть! – раздался надтреснутый юношеский голос солдата. С этим нелепым боевым кличем он вонзил штык в грудь ослабшего Иоганна Линдберга Четвертого, окончив его правление.

Лезвие пронзило короля насквозь, и окровавленное острие возникло прямо перед лицом девочки. Пятно медленно расплзлось по ткани и начало сочиться темными каплями, окропившими ее ночную рубашку. Луиза не чувствовала в себе сил ни кричать, ни плакать, ни даже дышать. Ей казалось, что она обратилась в камень.

– Дай... закурить... Есть кисет? – произнес тот же молодой голос.

– Что, прямо сейчас? – басом ответили ему.

– Да ты... Я... я только что короля убил! Дай закурить! – голос юноши сорвался на визг.

После нескольких секунд возни слышались вздохи облегчения, сдавленные смешки двух солдат и удаляющиеся шаги. Луизе потребовалось некоторое время, чтобы понять, насколько близко от нее прошла смерть. Она решила выбираться из своего укрытия и искать спасения в другом месте. На дрожащих руках и ногах она сползла с подоконника. Обернувшись, Луиза в последний раз заглянула в мертвое лицо монарха и вдруг осознала, что у него точно такие же глаза, как у принцессы Агнесс, – темно-серые, цвета грозового неба. Неуместной вспышкой пронесли воспоминания о том, как упорно судачили и спорили фрейлины, какого же цвета глаза короля.

Короткими перебежками, скрываясь и прячась по темным углам, Луиза наконец добралась до дворцовой кухни. Там она застала полный разгром и одинокую, мечущуюся посреди перевернутых столов Зельду. Завидев девочку, та вскрикнула и залилась слезами:

– Матерь Фригга! Ты жива, деточка моя!.. Жива!

Она бросилась к Луизе, крепко обхватила ее огромными руками и несколько раз сильно сжала в объятиях.

– Нам пора уходить! Торопиться! На, держи вот. – С этими словами она срезала сетку с подвешенным в ней жирным гусем, которого откармливали к Йолю; гусь был одуревшим от поглощенной пищи и дыма, который уже пропитал весь первый этаж, поэтому не издавал никаких звуков, только беспомощно разевал клюв.

Сама Зельда взвалила себе на плечи большой куль муки и скорыми шагами двинулась к выходу. Она махнула рукой, чтобы девочка следовала за ней.

Оказавшись за пределами дворца, Луиза впервые осмелилась обернуться. Увиденная картина заставила ее застыть и задрожать всем телом: здание полыхало огромным костром, освещая ночь. Тот самый дворец, что она считала своим домом. Те самые залы и коридоры, где она бродила и скрывалась от посторонних глаз. Та самая спальня, в которой она мирно спала всего полчаса назад. Пламя злобно ухмылялось ей из каждого окна, из каждого дверного проема. Вся ее жизнь обращалась в золу прямо сейчас, прямо на ее глазах.

– Ну же, идем, дуреха! – Зельда нетерпеливо дернула Луизу за руку, вынуждая двигаться дальше.

Старая кухарка вела ее самыми неприметными и узкими переулками подальше от дворца, избегая групп вооруженных людей. Все же за одним из поворотов они столкнулись с тремя солдатами. Те мгновенно направили ружья на старуху и девочку.

– Стоять! Кто?!

Луиза хотела ответить им, но смогла только пролепетать что-то бессвязное.

– Дай сюда! – Зельда скинула с плеч мешок муки и выхватила гуся у Луизы. Тут же в ее руке блеснул заточенный кухонный тесак, одним отработанным движением она отсекла птице голову и швырнула в сторону людей.

Гусь затрепыхался и забил крыльями в предсмертной агонии, брызжа кровью в оцепеневших солдат. Воспользовавшись их замешательством, Луиза и Зельда тотчас скрылись в ближайшем переулке.

Ближе к рассвету они вышли к рабочим общежитиям, где наконец смогли перевести дух. У черного входа обеих встретила старая знакомая Зельды, которую Луиза видела раньше во дворце. Нервным взмахом руки она пригласила их внутрь. Оказавшись в тесном коридоре общежития, Луиза увидела группу напуганных женщин, столпившихся в холле. Зельда устало оперлась о стену. Обхватив Луизу одной рукой за плечи, она привлекла ее к себе и обратилась к начальнице общежития:

– Дай девочке койку. Она заслужила отдых.

Кивнув, пожилая женщина взяла Луизу за руку и повела вглубь темного коридора.

#2. Заговорщики из Ривхольма

К юго-востоку от столицы, вверх по течению реки Флог, располагалось поместье Ривхольм. Хозяин навещал свои владения не чаще, чем раз в полтора года, но жизнь там текла своим чередом, без вмешательств извне, в согласии со сменой времен года. Тамошние обитатели разводили овец и торговали лесом, как и все остальные жители горной части страны. В состав поместья входило несколько небольших ферм и лесопилка, а также господский дом, построенный не так давно, чтобы обветшать, но слишком пустой, чтобы казаться уютным и гостеприимным.

Управляющий усадьбой Жоакин Мейер проснулся, как обычно, с рассветом. Был ранний апрель двадцать седьмого года его жизни. Лед уже отпустил берега, и скоро должен был начаться сплав бревен, поэтому у него накопилась масса дел. Жоакин быстро, но аккуратно оделся в чистые брюки, свежую рубашку из жесткого льна и бурую рабочую куртку. Густые черные волосы он нетерпеливо зачесал пятерней назад и спрятал под кепкой. Сапоги были, по обыкновению, начищены до зеркального блеска, хоть он и знал, что чистота в деревне мимолетна, как бы он ни пытался ее поддерживать.

Как и во все предыдущие дни, что он занимал свою должность, Жо Мейер начал свой обход с дальней лесопилки. Он шел в гору по тропинке вдоль берега реки. Путь этот всегда был немногочислен, и, даже если кто-то шел ему навстречу, никто не осмеливался поздороваться и прервать ход его деятельной мысли – такая прогулка была неотъемлемой частью распорядка. Когда Жоакин наконец достигал лесопилки, в его голове выстраивался четкий план действий на весь день.

Рабочие уже ожидали его, готовые к смотру. С тех пор как молодой человек занял свою должность, он ввел строгие порядки и расписание. Мужчины должны были находиться на месте к его приходу. Без опозданий, без оправданий. Пьяные и похмельные отправлялись домой, не получив дневного жалованья, кроме разве что старого Юхана, который не делал и шага без фляжки вот уже тридцать лет, но сохранял кристальную ясность и живость ума. Удостоверившись, что все на своих местах, и сделав пометки о необходимости новых веревок из пеньки, Жоакин развернулся и пошел в сторону усадьбы. Несмотря на утомительные расчеты, он не жалел о том, что ввел ежедневную выдачу жалованья рабочим, – это не давало им расслабиться.

На обратном пути он посетил ферму и осведомился о том, кто из молодых пастухов поведет стадо на горные пастбища через неделю. Еще раз окинув взглядом ферму и произведя вычисления, ведомые только ему, управляющий удовлетворенно кивнул своим мыслям и направился к заднему двору усадьбы, чтобы собрать всех горничных и объявить о начале большой весенней уборки особняка.

Едва выйдя за ворота фермы, Жоакин резко остановился резко остановился на вершине небольшого холма и уставился на дорогу вдаль. По направлению к усадьбе двигались, поднимая облака пыли, два экипажа. Он не получал никаких извещений о приезде графа, поэтому быстрым шагом устремился к подъездной дорожке, чтобы выяснить, что случилось. Издали заметив его движение, служанки гурьбой поспешили следом, искренне удивляясь перемене в его поведении.

Когда оба экипажа остановились у главных ворот, вся прислуга особняка в полном составе уже выстроилась у входа. Возглавлял строй сам молодой управляющий, который, нахмутив густые брови, пристально разглядывал гербы на лакированных дверцах, обитых медью. Первый был ему знаком – он принадлежал графу Траубендагу, хозяину поместья Ривхольм. Второй был похож на государственный герб Кантабрии, насколько Жоакин его помнил.

После остановки прошло не меньше минуты, однако никто не показывался. Служанки с любопытством вытягивали шеи и привставали на цыпочки, пытаясь хоть что-то разглядеть. Наконец из второго экипажа вышли два констебля в васильково-синей форме и направились к графской карете.

– На выход, ваше благородие! Прибыли.

Спустя пару мгновений дверь открылась, и из экипажа выбрался сутулый, бледный и растрепанный молодой человек в золотистом пенсне. Не глядя ни на кого, он направился к дверям особняка. Констебль остановил его, придерживая за плечо:

– Напоминаем, что вам запрещено показываться в столице вплоть до специального распоряжения Его Величества короля Иоганна Линдберга Четвертого.

Юноша дернул плечом, высвобождая его из хватки представителя закона, продолжил свой путь, провожаемый удивленными взглядами служанок, и наконец скрылся за дверями.

– Позвольте узнать, господа констебли, – обратился к ним Жоакин, дождавшись хлопка входной двери. – Что здесь происходит?

– А вы кто такой будете? – подозрительно прищурился тот, что помладше, тем временем другой уже закурил папиросу и отвернулся в сторону дороги.

– Я являюсь управляющим этой усадьбы, а потому имею право знать.

– Что ж... Извольте послушать. Попал ваш молодой господин в опалу, в столицу ему больше нельзя. Специальный указ. Пусть тут говорит и пишет, что захочет, а в город – ни-ни, под угрозой расстрела. Вы ему почаще об этом напоминайте. – Не желая продолжать разговор, он попрощался коротким кивком, и констебли сели в экипаж.

Жоакин еще какое-то время молча провожал взглядом удаляющуюся карету, после чего обернулся к служанкам, которые так и стояли толпой у входа, и строгим тоном произнес:

– Сейчас уже начало десятого. – Он откинул крышку часов и развернул их циферблатом к женщинам. – А завтрак у нас ровно в девять.

Не дожидаясь продолжения, горничные и кухарки бросились врассыпную, готовые заняться каждая своим делом.

– Ты объясни мне толком, будь любезен, сымать чехлы или нет? Неделя как прошла! Разве ж можно? – допытывалась у Жоакина пожилая горничная, прикрывая бледный старческий рот платочком.

Управляющий раздраженно дернул подбородком. Эти чехлы у него уже в печенках сидели, будто всем так не терпелось обнажить мебель, разбудить особняк и сделать его похожим на настоящий господский дом. Хотя с момента прибытия молодого графа его раздражало очень многое.

– Отдадут приказ – снимем, дело нехитрое. Меньше выгорит и пропылится. Может, ему и ни к чему все эти диваны. По крайней мере, он не покидает кабинета.

– И не ест почти! – обрадованно вступила на знакомую почву старуха. – Намедни ему девки поднос приносили, а он с него только сыр и взял! Даже дверей им не открыл. Может, он умом тронулся? До чего человека жизнь-то довела!

– Сплетни прекратить немедленно, не нашего ума дело. Сегодня солнечно, просушите перины, все до единой. В обед проверю.

Жоакин дождался, пока горничная удалится, а сам направился к хозяйскому кабинету, источнику всех его нынешних проблем и тревог. Он не опустил до подглядывания в замочную скважину, но встал у запертой двери и прислушался. Внутри можно было различить шлепки босых ступней по паркету, шорох бумаги и невнятное бормотание. Возможно, молодой

граф и правда безумен? Тут же, точно в подтверждение его мыслей, послышались внезапный звон стекла и дробь сыплющихся осколков. Из кабинета раздался крик отчаяния:

– Слепцы! Мещане, убогодичные закостенелые мещане! – Вопли перешли в судорожные рыдания, каких Жоакин никогда не слышал от взрослого мужчины. – Я пуст, боги, я совершенно пуст! Мне даже сказать нечего...

– Как бы рук на себя не наложил, а? – громким шепотом посетовали прямо у локтя Жоакина. – Что тогда старому господину скажем?

Он резко обернулся и увидел все ту же горничную, с которой говорил до этого. Как только подкралась?

– Поди уже, бабка! – заскрипел зубами молодой человек. – Пьян он! – Развернувшись на каблуках, Жоакин размашистым шагом понесся вон из усадьбы.

Прочь, прочь отсюда! Ярость разрывала ему грудь и требовала немедленно выпустить ее на волю. Никто не должен видеть его таким. Наконец он достиг обрыва над глубоким оврагом, который обозначал границу поместья. Здесь Жоакин упал на колени, прямо на сырую землю, и глухо зарычал, ударяя кулаками по первой весенней зелени и мелким цветам. Он впился смуглыми узловатыми пальцами в молодую траву и принялся выдирать ее с корнем, с налипшей почвой, и с силой швырять в овраг. Он бросал и бросал комья земли с травой, повторяя:

– Сдохнешь – туда и дорога! Сдохнешь – туда и дорога! Сдохнешь – туда и дорога!

Выплеснув свой гнев, Жоакин устало прислонился к стволу дерева, растущего у обрыва. Приезд молодого Леопольда Траубендага побудил его к мыслям, на которые раньше не было ни времени, ни сил. Не кто иной, как Жоакин Мейер, нищий сирота с южной кровью, что так бросалась в глаза, поднял усадьбу из дерьма и разрухи! После предыдущего управляющего, прощелыги и вора, здесь все было в руинах, производство шерсти и древесины простаивало, а рабочие спивались и избивали полуголодных жен и детей. Граф заметил его, молодого, амбициозного и даже грамотного, дал ему эту должность, возложил на него обязанности по управлению хозяйством. И Жоакин оправдал его надежды. Всего за два года он отстроил заново флигель для слуг, три амбара и графский скотный двор. Новые порядки быстро стали приносить плоды и прибыль. Усадьба процветала, как никогда прежде.

Этот слизняк, этот жалкий пьяница Леопольд... Рожден в шелках, вскормлен на серебре! А теперь по ночам тайком таскает вина из подвала, будто крадет их. Именно он станет обладателем этой земли, этих угодий и стад. Он не заслужил их, не заслужил ничего из того, чего добился Жоакин Мейер. Эти земли должны принадлежать именно ему. Но крестьянин Жо недостаточно хорош – и никогда не будет. Так устроен мир.

Немного успокоившись, он направился обратно к особняку, чтобы проконтролировать сушку отсыревших за зиму одеял и перин. Пусть все идет своим чередом.

Еще через пару дней в особняке разыгрался скандал, который едва не выбил Жоакина из колеи. Спустившись в подвал за луком и уксусом, молодая кухарка обнаружила там спящего господина в одном исподнем. Тот очнулся, в пьяном бреду потянулся к служанке, схватил ее за руки и понес какую-то околесицу. Кухарка, естественно, перепугалась, вырвалась и в слезах побежала жаловаться Мейеру, клянясь, что больше она в подвал ни ногой. Ненависть снова сжала голову Жоакина тисками, он боялся только одного – не сдержаться и придушить это ничтожество собственными руками.

Он тут же спустился в подвал и обнаружил там Леопольда, стоявшего в темном углу на четвереньках, в одной только долгополой белой рубашке, довольно грязной и заношенной. Графу было дурно с перепоя, и его тошнило прямо на каменный пол. Жоакина передернуло от

омерзения. Он дождался, пока молодой господин откашляется, стиснул обеими руками кепку и обратился к нему:

– Герр Траубендаг, ваша светлость?

– Чего тебе, – сирым голосом отозвался тот из угла.

– Позвольте сказать лишь одно. Вы граф и вольны делать со своей жизнью, что вам вздумается. Но не мешайте вашим людям спокойно и честно выполнять свою работу.

Леопольд ословело уставился на дерзкого простолюдина. Вино еще туманило его взгляд и мешало сосредоточиться. Наконец он разглядел Жоакина, его основательную рослую фигуру и серьезное лицо.

– Не угодно ли вам, чтобы я проводил вас в одну из верхних комнат? – сухо спросил Жоакин.

– Сам дойду, – прохрипел Леопольд, поднялся и шаткой походкой, цепляясь за стеллажи с бутылками, двинулся к выходу.

Отары овец наконец начали выпускать из загонов и уводить на ближайшее плато на весенний выпас. Теперь на их счет можно было не беспокоиться, пока не начнут снова ягниться.

Жоакин написал короткое деловое письмо управляющему соседнего поместья, располагавшегося ниже по течению, чтобы сообщить о начале сплава. Их хозяйства вынуждены были сотрудничать из-за особенностей реки: лесные угодья располагались на территории Ривхольма, поэтому бревна заготавливали местные работники, обрубая ветки и сучья. Подготовленные стволы спускали на воду, но россыпью – течение было слишком бурным, с порогами, и не имело ни малейшего смысла вязать древесину в плоты. Ниже, в долине, лес почти не рос, зато река была более спокойной. Там вступали в дело опытные плотогоны, что связывали стволы деревьев между собой и плыли на них до самого морского порта, где древесина шла уже разным покупателям. За это соседи получали щедрый процент от сделок.

Молодой человек внимательно перечитал текст послания и поставил лаконичную, без росчерков, подпись.

Теперь нужно было передать письмо с каким-нибудь мальчишкой из дворовых и проведать сплавщиков. Неподалеку от одной из ферм река делала коварный поворот, совсем не крутой на первый взгляд, но бревна там то и дело вылетали на берег. Туда вставляли на вахту самые крепкие из мужчин и, стоя по бедро в холодной воде, длинными баграми отталкивали плывущие деревья, не давая им увязнуть в гальке и сцепиться между собой – это остановило бы весь поток.

Нередки были случаи, когда кто-то увечился, не удержавшись и оказавшись зажатым между двух бревен. Поэтому важен был каждый человек, и на берегу тоже, если понадобится помощь. Жоакин чувствовал себя спокойнее, находясь рядом, а потому отправился напрямик к сплавщикам.

Идя привычной дорогой, он заметил старого Юхана, который прихрамывающей походкой спешил ему навстречу. Жоакина посетило нехорошее предчувствие. Работник издали завидел управляющего и замахал руками: его-де он и ищет. Жоакин прибавил шагу, чтобы не заставлять старика бежать.

– Что случилось? Кто-то ранен? Кто-то из новеньких?

– Почти угадали, голубчик, только еще хуже. – Юхан хрипло и прерывисто дышал, упервшись ладонями в костлявые колени. – Молодой господин учудил, гад такой, прости меня небо!

– Продолжай, – помертвевшими губами произнес Жоакин.

– Пришел на поворот и со всеми в воду полез! Вот как есть, с багром! Никого не слушает, выходить не хочет. А сейчас самый массив пойдет! Раздавит его, а заодно и тех, кто ему помогать станет! У него же ни сил в руках, ни опыта... Выручай, Жо, может, хоть ты с ним справишься, а? – Старик поднял на Жоакина слезящиеся глаза, но тот его уже не слушал – он со всех ног бежал спасать Леопольда и других рабочих, что могли пострадать по его вине. Как бы Жоакин ни презирал графа, он не желал ему такой гибели.

Уже за пятьдесят шагов он увидел, что происходит у берега: рабочие стояли в воде, готовясь к наплыву леса. Все выглядели растерянно и то и дело оглядывались на сутулую фигуру человека, стоящего чуть поодаль и совершенно не вписывающегося в их ряды. Узнав Леопольда, Жоакин бросился к нему, вбежал в ледяной поток и, схватив за предплечье, потащил из реки. Тот был так поражен, что даже не сопротивлялся. Отойдя довольно далеко от берега, они очутились на лугу, где Жоакин наконец отпустил его.

– Что вы о себе возомнили? Вы хоть понимаете, что могли бы натворить?! – злобно спросил он Леопольда.

Тот подавленно молчал, не поднимая глаз ни в сторону мужчин, которые радостно загомонили вдалеке, готовые начать свою трудную работу, ни на молодого управляющего.

– Похоже, вы не осознаете последствий своих действий, – отдышавшись, Жоакин запаса терпением и начал объяснять: – Сейчас бревен еще мало, но через пару минут пойдет основной поток, который снес бы вас, несмотря на багор в руках. Преданные вашему дому люди... Они бы бросились за вами, и кто знает, сколько жизней это бы унесло.

Все так же молча, мокрый и потрепанный граф осел на землю, сложив обессиленные руки на колени.

– Вы совершенно не приспособлены для этого дела. Оно требует мышц, крепких от постоянной тяжелой работы, – продолжал втолковывать ему Жоакин. – Кажется, я уже просил вас не мешать честным крестьянам трудиться.

– Тогда мне казалось, что я понял вас, герр Мейер, – тихо отозвался Леопольд. – Я много думал над вашими словами и пришел к выводу, что тоже должен работать, как и все. Сегодня я проснулся, умылся и почувствовал себя таким свежим, таким сильным. Мне хотелось сделать что-то полезное. – Он уронил голову на руки.

– Если вам так уж захотелось испытать радости труда, то шли бы с пастухами в горы, – раздраженно ответил ему Жоакин, уже не сдерживая эмоции. – У них там спокойно, и багром махать не надо.

– Я не знал дороги, а они уже ушли, – совсем убито пробормотал Леопольд.

– Так найдите себе другое дело, подходящее вашему положению.

– У меня было дело всей жизни, но теперь все пропало...

– И что это за дело? – спросил Жоакин, чтобы сгладить свою грубость.

– Я боролся с несправедливостью! – Его собеседник отнял руки от лица, и взгляд его стал вдруг более собранным и осмысленным.

– Какого же рода несправедливость может коснуться такого человека, как вы, граф?

Леопольд расправил плечи и словно впервые огляделся по сторонам. Жоакин заметил, как он защелкал суставами пальцев, собираясь с мыслями. Затем поднял на Жоакина взгляд и легким кивком пригласил сесть рядом. Управляющий уже пожалел, что задал свой вопрос, – ему не терпелось вернуться на берег к рабочим. Он хотел было пресечь эту беседу, как и любые отвлеченные разговоры, которые ему постоянно пытались навязать, но вдруг понял, что проигнорировать приглашение графа будет крайне неучтиво. Немного помедлив, Жоакин сел на траву возле него.

– Не меня; всю страну, – вдохновенно начал Леопольд. – Наше общество прогнило, герр Мейер. Никто из имущих не заслуживает того, чем владеет, а достойные не имеют ничего. Я пытался бороться с этим... – Он снова поник.

Жоакин с удивлением осознал: ему вдруг стало интересно, что может рассказать граф про положение дел в столице, а также про его мифическую «борьбу с несправедливостью».

– Вот как... – протянул он, откидываясь на спину и глядя в ослепительное весеннее небо. – Не могли бы вы рассказать мне, почему у вас это не получилось?

Распорядок дня в поместье оставался неизменным, как и распорядок его управляющего. Изменилась лишь одна деталь: теперь он проделывал свой обход не один. Молодой граф тоже завел себе привычку вставать с солнцем, собирался и присоединялся к Жоакину. Последнего поначалу раздражала компания графа, но постепенно он привык к постоянному потоку мыслей Леопольда, начал вникать в них и обдумывать, пропуская через собственный жизненный опыт. На самом деле Леопольду даже не нужен был собеседник – ему нужен был слушатель, благодарный и вдумчивый. Понимание между ними росло.

– Наша основная проблема... в раздробленности общества... – задыхаясь после крутого подъема, продолжал свою мысль Леопольд. – Аристократия даже не... понимает, как живет народ. – Его слабые легкие еще не привыкли к постоянной ходьбе. – Мы принимаем все как должное.

– А вы, значит, теперь понимаете?

– Отчасти, – решительно помотал головой граф. – С трудом верится, что каждый хутор, каждая ферма работает на то, чтобы у баронов и герцогов в столице на столе были масло и сливки, а перины набиты пухом. Я уже не говорю о работниках фабрик и заводов!.. А ведь все трудятся как муравьи. Вы... знаете, герр Мейер, чем сейчас занимаются мои титулованные ровесники? Те, что остались в Хёстенбурге?.. Они спят! И пробудятся только лишь... к полудню, чтобы снова веселиться весь вечер и ночь.

– Вы хотели бы сейчас быть там? – уточнил Жоакин, не прерывая движения.

– Нет... Ни за что! – убежденно заявил дворянин, валясь на землю.

Жо остановился, чтобы дать ему перевести дух.

– Суть в столпах, ведь рыба гниет с головы. И люди растут несвободными изначально... – Граф отслеживал взглядом неспешное движение облаков. – Будто должны горбатиться всю жизнь ради... бездельников, которые требуют все больше, словно идола прошлого! Каждый должен получать то, чего достоин, а если тебе что-то нужно – так сделай это сам!

– Вы это уже говорили, – отметил Жоакин.

– Да, ведь это правда! – Леопольд рывком сел. – Если ты хочешь, чтобы люди трудились для твоего блага, – встань рядом с ними, плечом к плечу!

– Было б хорошо, если бы господа действительно брались за второй конец пилы... – задумчиво промолвил молодой управляющий. – А еще лучше, чтобы господ вовсе не было. – Тут он оборвал себя, вспомнив, с кем говорит.

Но Леопольд не воспринял это как оскорбление, даже наоборот.

– Действительно! К чему эти дикие древние условности? Мы ведь не больше чем землевладельцы. Разве землей не должны владеть те, кто ее обрабатывает? Разве не должны владеть скотом те, кто его пасет и выращивает?

– Владеть результатом труда должно государство. Но государство – это не король со своей свитой, так же как хозяин поместья – это не само поместье. Государство – это весь народ, каждый житель страны: как те, кто производит, так и те, кто следит, чтобы это производство было эффективным. Но управлять честными трудящимися должны достойные люди, знающие дело и способные при необходимости встать рядом и работать наравне с остальными. А не какое-то там... дворянство, деградирующее из поколения в поколение. – Выдав эту тираду, Жоакин смущенно нахмурился.

– Не знал, что ты такой талантливый оратор, Жоакин, – ошеломленно выдохнул Леопольд. – Тебе только на трибуну! – Он звонко, совершенно беззлобно расхохотался.

Хотя бразды правления хозяйством и остались в прежних руках, молодой дворянин все же стал вводить некоторые новые обычаи. Одним из них стал совместный ранний завтрак управляющего и графа на кухне. Кухарки не переставая судачили о том, что же общего может быть у двух таких непохожих друг на друга людей: один – благородный, с мягкими чертами лица и светловолосый, настоящий сын Кантабрии; второй же – смуглый и угрюмый южанин-полукровка, выращенный суровым дядей и выбравшийся из грязи только благодаря упорному ежедневному труду. Но тем не менее они сходились на том, что общение пошло обоим на пользу: Леопольд посвежел и начал нормально питаться, каждое утро уписывая за обе щеки кашу с вареными яйцами, а Жоакин стал чуть чаще улыбаться. Изумив всех окружающих, эти двое перешли на «ты» и постоянно говорили, обсуждали и спорили о каких-то совершенно непонятных вещах. В их речах постоянно звучали такие слова, как «правление», «аристократия» и «власть народа». Граф выдавал целые монологи, наполненные изящными оборотами и сравнениями, а управляющий Мейер выражался гораздо короче и не в пример понятнее, но в результате они всегда приходили к единому мнению.

Однажды Леопольд опоздал к завтраку, и никто в особняке не знал, где он может быть. Это заставило Жоакина беспокоиться, ведь он еще помнил случай с рекой и опасался очередных причуд графа. Он вышел на улицу и осмотрелся, но нигде не увидел пропавшего товарища. Обойдя двор и сад, Жо направился к главным воротам, где ему навстречу уже спешил довольный и радостный Леопольд.

– Я уж думал, ты снова взялся за свои старые безумные фокусы! – Жоакин с облегчением выдохнул, но тут же снова напрягся: – Или в деревню бегал девок портить?

– Да нет же! Я, может, и спятил, но совсем в другом направлении! – Улыбка растянула ребячески пухлый рот Леопольда. – Наслушавшись тебя, я понял, насколько свежи твои мысли. Это же совершенно новая концепция, с ней мы можем горы свернуть!

– Что ты имеешь в виду, Леопольд? – нахмурился Жо.

Они вместе двинулись в сторону особняка.

– Пока я жил в столице, я работал в газете, – начал объяснять граф. – Ничего особенного, конечно, но у меня была своя колонка, где я изобличал пороки общества. Тогда мне казалось, что я делаю что-то стоящее, а это было всего лишь жалкое твяканье на власть. Но даже за эту малость меня упекли сюда, в то время как мои братья по идее вышли на площадь и протестовали. Зачинщики были расстреляны на месте... – Тут он сильно помрачнел. – Но это значит, что даже такая мелочь способна повлиять на ход событий. А ты, Жоакин... у тебя светлый, незамутненный условностями ум, а идеи идеально выстроены, словно ты получил степень философа.

Они остановились у людской, вместе наблюдая за работниками, которых отрядили развесить новые бельевые веревки.

– В столице и в других поместьях у меня остались еще друзья со схожими мыслями. Собственно, я отлучался, чтобы отправить им письма. Я пригласил их сюда, чтобы они выслушали тебя. – Леопольд положил ладонь на плечо друга, который весь сжался от этих слов. – Тебя должны услышать, Жоакин, ты не для того рожден, чтобы тут состариться и умереть среди людей, которые никогда тебя не поймут.

– Не совсем с тобой согласен, но... Когда приедут эти твои друзья-аристократы?

– Думаю, через пару дней.

– В таком случае пора снять с мебели чехлы, – констатировал Жоакин, и они скрылись в особняке.

Дом ожил. В дни ожидания гостей Жоакин изо всех сил старался не быть более требовательным, чем обычно, чтобы не выдать своего напряжения. Но, завидев его, горничные все равно разбегались, как мыши, и работали не покладая рук, наводя лоск на серебро и старую мебель.

Жоакина раздирало внутреннее противоречие: с одной стороны, он не хотел говорить перед всеми этими баловнями судьбы, но, с другой, ему было любопытно, поймут ли его на самом деле, возымеют ли какое-нибудь действие его слова. В любом случае, у него не было особого выбора, ведь если бы он отказался, то выставил бы Леопольда лжецом.

Ответные письма начали приходить уже на следующий день; первыми отозвались молодые помещики, чьи владения были неподалеку. Последним пришло письмо из столицы. Оно было написано строгим почерком на дорогой плотной бумаге, и его отправитель вызывал наибольшие опасения у Жоакина – он был государственным служащим. Хотя он и имел доступ к каким-то рычагам влияния, которые могли бы быть полезными, с тем же успехом он мог донести королю на «деревенских анархистов». И если в первый раз Леопольда пощадили, то во второй этого может и не случиться. Но молодой граф почему-то был полностью уверен в этом человеке.

Гости, как и ожидалось, прибыли в четверг. Но не вместе, а по одному, растянув таким образом церемонии встречи и обмена любезностями и сплетнями на целый день. Последним, как и его письмо, на поезде прибыл столичный гость. Кучер встретил его на станции.

Наконец все собрались в обновленной гостиной с ореховым паркетным полом и простой, но изящной мебелью времен молодости отца Леопольда. Жоакин целый день занимался, по обыкновению, хозяйственными делами, а потому был до сих пор не представлен прибывшим господам. Теперь он стоял в тени у камина и беспрепятственно разглядывал собрание единомышленников. Все пятеро, не считая Леопольда, выглядели разношерстно и не совсем вписывались в наивные представления Жо о молодых аристократах. Один из помещиков, Петрик, был обладателем на удивление малого роста и треугольного обезьяньего личика, да вдобавок весь покрыт веснушками, что вовсе не придавало его облику благородства. Двое, Якоб и Борислав, перетаскивали круглый стол в центр под люстру и тут же накрыли его непонятно откуда взявшейся плотной зеленой скатертью – видимо, для игры в карты. И если Якоб был полным, со слегка одутловатым лицом, кучерявым малым и более всего походил на пекаря, то плечистый и рослый Борислав со своими густыми бакенбардами и гулким басом напоминал Жоакину скорее какого-то разбойника или моряка. Юстас, тот самый столичный чиновник, выглядел старше своих лет и носил такие же усы, как и Жо. Управляющий отрастил их, чтобы подчеркнуть свой авторитет среди рабочих; возможно, Юстасу они служили для той же цели. Чиновник был среднего роста, русоволос и очень бледен, а одет изысканнее, но строже остальных. Пятый гость, Фабиан, такой же вычурный, как и его имя, носил длинные каштановые волосы и свободную белую блузу и был похож скорее на картину, чем на живого человека. Возможно, поэтому белобрысая молодая горничная, передавая ему бутылки с вином, залилась румянцем ото лба до подбородка и глупо захихикала. Нахмурившись, Жоакин про себя отметил, что надо предупредить ее быть поосторожнее этим щеголем.

– А вы, любезный Якоб, не собирались ли жениться этим летом? – осведомился Петрик светским тоном, продолжая общую беседу.

– Разумеется, между нашими семьями старый уговор, – подтвердил Якоб.

– А красива ли ваша невеста? Должно быть, она молода и прелестна!

– Не мне об этом судить, друг мой, а ее будущему любовнику!

Присутствующие мужчины расхохотались, кроме, пожалуй, Юстаса, занявшегося изучением коллекции бронзовых бюстов, и Леопольда, который растерянно крутил головой, глядя то на одного, то на другого гостя. Жоакину стало не по себе. И с этими людьми ему предстоит говорить? Выкладывать свои тайные мысли о государстве, людях, об их месте в этом мире? Они совершенно не походили на Леопольда, к которому он едва привык. Управляющий остро ощутил свою неуместность в этой компании.

Господам подали чай. Было очевидно, что все знакомы не только с Леопольдом, но и между собой, поэтому их развязная, бессмысленная болтовня лилась без каких-либо пауз. Кто-то из присутствующих, кажется Якоб, обратился к хозяину дома:

– Дражайший Лео, я не представляю, нет, все мы не представляем, как вы, после такой бурной и насыщенной светской жизни в столице, смогли протянуть всю весну в такой глуши. Мы, конечно, живем в наших усадьбах, но только время от времени. – Молодые помещики согласно кивали головами. – Хотя нам известно, что вы пострадали за высокие идеи. Мы их разделяем и сочувствуем вам.

– Поначалу мне и вправду было тяжело, друзья. стыдно признаться, как низко я пал от отчаяния, едва приехав сюда.

– Да полно, вы – и опуститься? С вашим благородством мысли и духа? Я бы скорее поверил, что вы, прибыв в родовое гнездо, снова взяли за перо, чтобы и отсюда разить всех словом! – недоуменно прогудел Борислав. – Все мы скорбим о наших братьях по клубу, что погибли зимой от рук властей. Порой стыд терзает меня за трусость, ведь я не был таким уж активным участником движения. Но не вы – нет, вы не могли опустить руки!

– Но это так. – Леопольд встал и повернулся лицом ко всем гостям. – Вы своими средствами и то сделали более меня как меценаты, вкладываясь в рабочие дома и сиротские приюты. Оказавшись в Ривхольме, я не смог выдать из себя ни строки. Каждое слово казалось мне пустым и бессмысленным, а идея – лишенной силы. Я страшно запил, не выходил из комнаты, потом начал дебоширить. И только один человек смог вытащить меня из этой бездны, поставил на ноги и понял как брата.

Гости во все глаза смотрели на Леопольда, который, говоря, нервно сцепил пальцы.

– Вы сейчас говорите о своем управляющем-философе, верно? – тихим мелодичным голосом уточнил после небольшой паузы Фабиан. Он встрепенулся в кресле, где до этого сидел совершенно расслабленно, и корпусом подался вперед. – Ведь именно он был причиной, по которой вы выписали нас к себе в гости?

– Именно о нем. Друзья мои, этот человек уникален. Позвольте мне представить вам моего друга и идейного вдохновителя, человека без наших великосветских иллюзий и знающего народ изнутри.

Тут Жоакин понял, что речь идет о нем и что больше нет смысла скрываться в темном углу, а потому сделал несколько шагов вперед и встал рядом с Леопольдом. Легким кивком он поприветствовал друзей графа.

– Жоакин Мейер, – представился он.

Молодой человек понимал, что его следующими словами должны быть «к вашим услугам», но это бы противоречило всему тому, что он собирался выразить сегодня вечером, а потому ограничился только своим именем. Этого было достаточно.

Какое-то время благородные гости молча его разглядывали. Жоакин знал, что они видят: высокого деревенщину в простой одежде, иберийского выроodka, волосы которого без кепки приняли свой естественный непокорный вид, а лицо, по мнению многих, было похоже на сжатый кулак с выпирающими костями надбровных дуг, скул и квадратного подбородка.

Первым навстречу Жоакину встал Борислав и приветственно протянул руку.

– Друзья Леопольда – мои друзья. Будем знакомы. Борислав, маркиграф.

За ним, называя себя, последовали и остальные. Молодому человеку предложили сесть, и он выбрал свободный стул с прямой спинкой. К нему обратился Фабиан, все так же мягко и вкрадчиво:

– Послание графа заинтриговало нас, как заинтриговала и ваша неординарная личность, герр Мейер. Он писал, что у вас есть свежие революционные идеи, способные вдохнуть новую жизнь в наше движение за народные права, которое сейчас находится в плачевном состоянии. – Он забросил ногу на ногу и откинулся в кресле. – Не изволите ли посвятить нас в свои мысли? И если восторги Леопольда были небезосновательны, то, возможно, вы сможете пронести свои слова дальше стен этой гостиной.

– Тогда позвольте спросить вас, – обратился Жоакин ко всем шестерым, – что такое государство? Выразите свой ответ одним словом.

Все загудели – никто не ожидал, что этот выскочка начнет задавать вопросы. Да еще и с философским подтекстом. Подумав пару мгновений, они начали наперебой высказывать свои версии:

– Земли!.. Границы!.. Люди!.. Богатства!..

Один лишь Юстас промолчал, внимательно наблюдая за остальными. Жоакина это заставило снова вспомнить о его должности – и об опасности, связанной с ней. Но он продолжил:

– Заметьте, ни один из вас не произнес ни «король», ни «аристократия», а значит, мы поймем друг друга. – Тут он снова встал и принялся ходить по комнате, как всегда делал, собираясь с мыслями. Присутствующие впились в него взглядом.

И Жоакин сказал им все, что они так увлеченно обсуждали с Леопольдом, обходя поместье акр за акром. Он говорил о несоразмерности потребления ресурсов высшим классом, о тяжелом малооплачиваемом труде, о несостоятельности людей, стоящих у рабочих над душой, о незаслуженных благах. Слова легко связывались во фразы, а фразы сливались в одну стройную, пламенную речь, и тугой узел в груди Жоакина понемногу распускался.

Говоря, он обходил гостиную по кругу, не считаясь с тем, что благородным господам приходится выворачивать шеи, чтобы уследить за ним. Он еще не знал, как сильно его харизматичная личность приковывала к себе внимание и взгляды и заставляла прислушиваться к каждому слову.

К концу выступления он приберег свой главный довод – что необходимым условием искоренения несправедливости является уничтожение границ между высшим и низшим классом, а значит, уничтожение таких понятий, как монархия и аристократия.

Закончив свою речь, он встал на границе света у окна, за спиной у него была ночная тьма. В гостиной царила абсолютная тишина. На лицах молодых дворян он наблюдал борьбу. Да, он предлагал выход, предлагал способ изменить жизнь народа, но для этого им пришлось бы пожертвовать собственным привилегированным положением. За пару мгновений он успел отчаяться и пожалеть, что они все это затеяли, что он выложил всю подноготную и теперь будет осмеян и унижен. Но тут Петрик подскочил со своего места и принялся так яростно аплодировать, что полы его зеленого пиджака захлопали, как крылья.

– Bravo! Воистину bravo! – верещал он.

К нему нестройным хором присоединились и остальные, даже Юстас несколько раз скупом хлопнул ладонью о ладонь.

– Вот он, голос настоящей *революции*, которого нам так недоставало! Наш пророк из пустыни, – горланил Якоб.

– А вы и вправду владеете словом, герр Мейер, – благодушно протянул Фабиан.

Борислав подскочил к Жоакину и сильно потрепал его за плечо.

– Не знаю, что скажут остальные столичные лежебоки, но мне наплевать! Мы с вами, Мейер, а за нами пойдет весь народ! Вся Кантабрия! Теперь мы способны расшевелить это сонное болото!

Леопольд сиял – это была и его победа. Наконец вперед вышел Юстас. Восторженный гомон стих, и стало ясно, чье мнение в этой компании действительно имеет вес. Он заговорил:

– Я рад, что не зря прибыл сюда по первому зову своего старого друга. Хочу лишь спросить: вы действительно настроены столь же решительно, как говорите, или это всего лишь клубные разговоры, повод собраться и поболтать о судьбах мира? Подумайте, герр Мейер, от ваших слов сейчас зависит многое. – Он вопросительно посмотрел на Жоакина, слегка склонив голову набок.

– Не люблю ничего говорить зря. Обычно я не столь многословен.

– Надеюсь, что это правда. Теперь прошу меня извинить, мне пора возвращаться в Хёстенбург. Завтра меня ожидают на службе, а путь неблизкий.

– Что вы намерены предпринять? – Леопольд выступил вперед, и в его голосе впервые прозвучала тревога.

– Не извольте беспокоиться, господа. Тайна этого собрания не коснется лишних людей. Но теперь вам всем нужна помощь, без которой вы так и останетесь кучкой болтунов. Я знаю людей, которые смогут помочь вам деньгами и человеческими ресурсами. Эти люди будут весьма заинтересованы в вашем успехе. А сейчас позвольте откланяться.

Попрощавшись коротким кивком, Юстас покинул комнату. Леопольд вышел следом, чтобы проводить его.

– А теперь мы просто обязаны выпить за успех наших начинаний, – провозгласил раскрасневшийся Якоб, поднимая бутылку с вином к потолку. Ему в ответ снова радостно заголосили. – Жоакин, друг, бокал вина!

– Не пью. Мне тоже пора идти, – ответил Жоакин.

Не дожидаясь, пока его начнут уговаривать, он вышел из гостиной и направился во двор, чтобы подышать свежим ночным воздухом и остудить разгоряченную голову. На улице он никого не встретил и был этому рад. Он не смел надеяться на такой успех и пока слабо представлял, к чему могут привести события сегодняшнего вечера.

Из окна на втором этаже лился свет и раздавались радостные крики.

Даже старожилы поместья не могли припомнить времени, когда в усадьбе бывало так же шумно и многолюдно, как теперь. Почти все участники того вечернего собрания остались погостить в Ривхольме и теперь кутили каждый день, ожидая новостей из столицы. Однако больше они пока ничего не предпринимали. Этого Жоакин и боялся после их первой встречи и не хотел оставлять все как есть.

Устав от праздности гостей, которой не было конца, он хотел просто ворваться к ним в разгар пирушки и, сметя со стола бутылки, призвать их к ответу за свои слова о борьбе. Но, осознав, что так он сделает только хуже, решительно отбросил эту идею. Поэтому, выжидая нужный момент, поговорил с каждым с глазу на глаз и распределил обязанности. Жоакин предположил, что если это работает с неграмотными деревенскими увальнями, то сработает и с дворянскими отпрысками. Кто-то в этот момент был трезвым, кто-то – пьяным, а кто-то – сонным, однако на каждого его слова возымели должное действие.

Все получили задачу в соответствии со своими связями и склонностями. Семья неказистого Петрика возглавляла одну из семи гильдий Хёстенбурга и владела несколькими заводами в разных городах, а также поддерживала связи и с другими деловыми людьми, поэтому ему в обязанности вменялось посетить производства и собрать информацию о настроениях среди рабочих и об их условиях труда.

Якоб и Борислав, завязанные картежники, получили миссию опасную и деликатную: налаживать контакты с отдыхающими чиновниками и другими важными лицами в клубах и пре-

стижных игорных домах, приглашать их перекинуться в штос или преферанц, а ободрав до нитки, предлагать забыть долг в счет неких услуг. (В будущем, когда заработает новая политическая программа, им придется подписывать различные петиции заговорщиков или платить немалые деньги.)

Фабиан как бы вскользь упомянул, как много средств он вложил в организацию общежитий для работающих девиц, а потому имел доступ к довольно большой части населения, которую не стоило игнорировать. Жоакин скрепя сердце пошел ему навстречу и поручил заниматься вопросом трудящихся женщин и узнать, чем они живут и дышат. От загадочного Юстаса пока не было ни письма.

Когда все наконец разъехались выполнять свои миссии для общего дела, Леопольд почувствовал себя ненужным и неприкаянным. Он напрямик сообщил об этом Жоакину и спросил, чем может бедный узник помочь движению. Но у управляющего уже был готов ответ на его вопрос:

– Занимайся тем, что умеешь, чем занимался до ссылки. Пиши. Нам нужны призывы, программы, петиции и листовки, которые тронут каждого жителя и привлекут его на нашу сторону. Или ее. – Он вспомнил про «женский вопрос».

– Думаю, я справлюсь. Теперь справлюсь, – уверенно ответил опальный журналист.

Спустя некоторое время Леопольд принес Жоакину на рассмотрение целую кипу исписанных бумаг, но тому хватило беглого взгляда, чтобы убедиться, что его тексты, к сожалению, никуда не годятся.

– Леопольд, для кого ты это писал? – удрученно спросил управляющий. – «Разнузданный гуманизм»? «Созерцательное прозябание»? Поймут ли все эти машинисты и кухарки хоть слово?

Граф взглянул на него, будто очнувшись, обхватил руками голову, а потом сгреб все бумаги и быстрыми шагами вновь удалился к себе в кабинет, где заперся до самого вечера, усердно переделывая работу. Спустя несколько попыток у него наконец начало получаться.

В начале осени, в назначенный день все вновь собрались в Ривхольме, однако же количество участников их клуба возросло почти вдвое: Якоб и Борислав умудрились привезти с собой группу студентов, которые то ли горели желанием влиться в работу организации, то ли попросту хотели перекинуться в карты в интересном окружении. Поначалу Жоакин был возмущен таким самоуправством, но быстро пришел к выводу, что новобранцы могут быть очень полезны, распространяя листовки среди просвещенной молодежи. Кроме того, объявился и Юстас.

К вечеру все собрались в той же гостиной и были готовы предоставить отчеты о проделанной работе. Почти все участники первого собрания заняли свои прежние места в комнате, только Петрик остался стоять, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и теребя крупный перстень на пальце. Студенты всей толпой встали у распахнутого окна и курили, переговариваясь о своем. Пора было начинать.

– Итак, господа, – заговорил Жоакин, встав в центре комнаты, – все вы проделали огромную работу, каждый на своем поприще, и, как я заметил, ваши старания принесли некоторые плоды. – Тут он повернулся в сторону Петрика и жестом пригласил его говорить первым.

– Собственно сказать, д-да... – запинаясь, начал тот. – Мне есть что сообщить собранию. Ситуация в рабочей среде, с одной стороны, тревожная, а с другой – вполне благодатная для нашего дела: недовольных очень много, зарплаты едва хватает на жизнь, плюс ко всему часты случаи производственных травм от несовершенных машин и ожогов от паровых котлов, которые никак не возмещаются пострадавшим. Статистика заболеваний, которыми страдают

люди на кожевенных и прядильных фабриках, ужасает! К тому же наблюдается отток рабочих обратно в деревню, а коренные горожане молчат в страхе потерять работу. Одним словом...

– Одним словом, ничего нового, – насмешливо перебил его Фабиан, покручивая бокал вина в длинных пальцах. – Мой добрый друг Петрик, неужели вы рассчитываете, что ваши хождения в народ растормошат страну?

– На заводских рабочих сейчас держатся и казна, и все частные капиталы, – решительно возразил Жоакин. – Если они откажутся работать, даже на время, вся страна будет парализована. И, чтобы восстановить поток денег, гильдии и богачи пойдут на какие угодно условия. На наши условия. – Он оглядел всех присутствующих в зале. – Поэтому что бы вы ни думали, а успех всего нашего плана держится именно на этом человеке. – И Жоакин положил руку на плечо коротышки Петрика, отчего тот вздрогнул.

Все уставились на Петрика, удивленные словами Жоакина, и спустя мгновение на лице каждого отразилось понимание. Сам Петрик немного стушевался, а затем, решив, что его речь окончена, опустил на свободный стул. Не дожидаясь приглашения, Юстас резко поднялся с кресла и выпрямился, как при официальном докладе, тем самым подчеркивая исключительную важность того, что он собирался сообщить.

– Я навел справки... в государственном аппарате ситуация становится хаотичной. После первых волнений среди благородной молодежи, – он бросил мимолетный взгляд в сторону Леопольда, – полетели головы, и приличное количество чиновников было отстранено от должности. Некоторые места до сих пор остаются незанятыми, и, как вы уже поняли, это не способствует стабильности ни законодательной, ни исполнительной власти. Таким образом, путь к местам в правительстве относительно свободен... По крайней мере, для некоторых из нас. – Он усмехнулся. – А теперь к самому главному: в высших кругах я заручился поддержкой одной очень важной персоны, которая может поспособствовать успеху изменений, которые мы хотим привнести в жизнь нашей страны. Пока я не могу сообщить ни его имя, ни должность, всему свое время. – И он сел в кресло так же резко, как и поднялся с него.

– К чему же все эти секреты, мы ведь все здесь заодно, – оскорбленно отозвался Борислав.

– Видимо, вы многое упускаете из виду, – процедил Юстас, – а именно *мое* положение. Оно предполагает как свои бесспорные преимущества, так и большой риск, гораздо больший, чем у кого-либо из присутствующих.

После этих слов никто более не осмелился комментировать речь Юстаса. Жоакин сохранял молчание: он был сосредоточен, обдумывая полученные сведения. Наконец он поднял голову и обратился к неразлучным картежникам:

– Якоб, Борислав, прошу вас.

– Мы тоже дурака не валяли, – сложив руки на груди, заявил Борислав; его напарник согласно закивал. – Сделали, как и было уговорено.

– Закинули удочки где только можно. – Якоб подмигнул. – И немало рыбок поймано... в том числе несколько особо крупных.

– Конкретнее, – потребовал Жоакин.

Вместо ответа Борислав подошел к нему, вытащил из-за пазухи несколько сложенных листков, исписанных именами, и протянул их лидеру собрания.

– И много ли вам должны? – осведомился Жоакин, пробегая глазами внушительный список.

– Следующий листок ответит вам, – хохотнул Якоб. – Хватит на небольшой дворец, я думаю.

Закончив изучать бумаги, Жоакин удовлетворенно кивнул и сложил их в карман. В этот момент раздалось деликатное покашливание. Все повернули головы в сторону Леопольда, который стоял, прижавшись к стене, с толстой папкой бумаг, поправляя пенсне. В его глазах читалось недовольство собственной непричастностью к общей беседе.

– Конечно же, друг мой, сейчас самое время дать тебе слово, – незамедлительно отреагировал Жо. – Возможно, вы не обратили внимания, но здесь, в главном штабе нашей организации мы, а в первую очередь Леопольд, разрабатывали то, с чем обратимся к людям, заставим их услышать нас. Прошу, зачитай обращение к рабочим доков, которое ты написал два дня назад.

Леопольд отстранился от стены, на его лице промелькнула гордая улыбка. Ловко достав нужный листок из папки, он принял позу, более подходящую поэту, декламирующему оду, а не журналисту-оппозиционеру, и стал проникновенно зачитывать. Нужно отдать должное, его речь с первых слов и до самого конца удерживала всеобщее внимание: даже студенты у окна, до которых до сих пор долетали лишь обрывки беседы, прекратили переговариваться и вслушивались в звучный манифест, искусно составленный Леопольдом. Никто даже не подозревал, скольких трудов ему это стоило, – так естественно звучало каждое предложение. Наконец он дочитал, и по комнате прокатилась волна аплодисментов.

Когда все стихло, Жоакин обратился к Петрику:

– А нет ли среди ваших предприятий типографии? Нам необходимо набрать и размножить все материалы.

– Эм... Сейчас вспомню... Кажется, одна имеется, но только не в столице, – замялся наследник многомиллионной индустрии.

– Тем лучше, – одобрительно кивнул Жоакин.

Фабиан же все это время сидел молча, разглядывая картины на стенах и собственные ногти. Он уже успел осушить более половины бутылки красного вина из погреба Ривхольма и, слегка захмелев, держался отрешенно. Его раздумья прервал закономерный вопрос Жоакина:

– А как обстоят дела с вашей областью? Заинтересована ли женская часть рабочих в переменах?

– Заинтересована, – небрежно бросил Фабиан и потянулся к бутылке, но, уловив на себе строгий и раздраженный взгляд управляющего, опомнился и продолжил говорить: – Жаль, но многие вообще недооценивают прекрасный пол... а ведь женщины способны на многое, даже выйти на баррикады... Если потребуется, с обнаженной грудью.

– Прошу без сальностей. – Жоакин поморщился.

Тут переполошились студенты и, столпившись у открытого окна, взялись выглядывать наружу. Петрик и Якоб тоже прильнули к соседнему окну.

– Едет. Карета едет! – произнес самый говорливый из юношей.

– Мы... кого-то ждем? – севшим голосом спросил Юстас, до этого хранивший невозмутимость.

– Ага, герб-то гвардейский, – потускневшим тоном добавил другой студент.

Уже никого не слушая, Жоакин чуть ли не бегом устремился вниз по лестнице, к выходу из особняка. Его сердце бешено колотилось, предчувствуя беду, которую он не знал, как отвести. Оказавшись на улице, он обнаружил нескольких встревоженных служанок, уже стоящих у главных ворот. Их испуганные глаза обращались то к приближающейся карете, то к управляющему.

Гвардейский экипаж остановился у самой ограды поместья, и из него вразвалку вышел единственный мужчина в военной форме капитана, которую довершала фуражка с начищенным до блеска черепом. Жоакин решительно двинулся ему навстречу, словно на расстрел.

– Добрый день, господин капитан. Чем обязан...

– Ты кто? – резко прервал военный, даже не глядя на Жо. – Это здесь же проводится собрание?

Не дожидаясь ответа, он зашагал к особняку. Жоакину оставалось только последовать за ним внутрь.

Гробовое молчание в гостиной второго этажа нарушилось треском распахнувшихся дверей. Капитан вошел в комнату, саркастически оглядывая всех присутствующих.

– Что, обмочили штаны, господа заговорщики? – паскудно улыбнулся гвардеец. – А я к вам с миром.

Капитану никто не ответил, и он продолжил как ни в чем не бывало:

– У меня тут есть несколько бумажонков, которые должны вас заинтересовать. – Он приблизился к столу и широким жестом бросил на него пачку запечатанных конвертов. – Вот, полюбопытуйтесь.

Никто не шелохнулся. Тогда Леопольд медленно подошел к столу на ватных ногах и взял верхний конверт. Так и не решившись открыть его, он поднял взгляд на капитана и тихо спросил:

– Что в этих конвертах?

Военный, повергая окружающих в еще больший ужас, громогласно расхохотался:

– И эта кучка трусов собралась устроить переворот? Глазам не верю! – Отсмеявшись, он снизошел до ответа. – В этих конвертах – освобождение господина Траубендага от всех обвинений в преступлениях против короны; освобождение господина Йохансона от всех обвинений в преступлениях против короны; освобождение господина Дюпона... кхм, ну вы поняли. Кроме того, здесь разрешение на учреждение Комитета по правам рабочих при Судебной коллегии Его Величества.

Юстас, до тех пор вжимавшийся в кресло, наконец понял, кто их внезапный гость. Тогда он встал и обратился к гвардейцу:

– С чего бы все это, капитан Вульф?

– Привет от Верховного судьи Спегельрафа, – снова ухмыльнулся вояка. – Пакуйте вещички. Вам освободят помещение к концу недели, так что не тяните со сборами, дамочки.

#3. Таланты заурядных швей

Первое время Луиза развлекала себя счетом: сколько полотен ткани проходит через ее руки за один рабочий день, сколько строчек она делает, сколько раз нажимает ногой на педаль, приводя в движение механизм, – но очень быстро ей это надоело. Остались только ритм, отмечающий время, и мелькание иглы вниз и вверх, вниз и вверх. На фабрику она устроилась меньше года назад. Потребовалось около трех лет, чтобы прекратились постоянные пугающие беспорядки на улицах, а предприятия начали работать в прежнем режиме. И еще немного времени, чтобы освоить швейную машину. Со слов ее товарок было ясно, что темные времена закончились благодаря учреждению парламента, но она не стремилась вникать в детали.

Из рукоделия Луизе больше всего нравилось вышивание, но сейчас в этом не было нужды, и она радовалась даже такой отупляющей работе. Ей уже исполнилось восемнадцать, и она не могла больше отрабатывать место в общежитии, обстирывая и причесывая других женщин, – этого было мало. К тому же все что угодно лучше, чем спичечная фабрика. Или рабочий дом, о котором и подумать было страшно.

Первое время Лу держалась за Зельду, будто кухарка была ей родней, и та вела себя соответственно. На следующий же день после переворота она поговорила с испуганной и подавленной Луизой и велела ей никому не говорить, чья она дочь и кем была при дворе. Дескать, когда придет время, отец сам ее найдет и вернет в семью, хотя Лу никогда на это не надеялась. Потом до женщин дошли слухи, что в ту ночь были убиты почти все придворные, находившиеся во дворце. А до некоторых добрались в их же домах. Зельда умерла пару лет спустя от воспаления легких, и Лу осталась одна.

Затекли шея и плечи, а от треска машинок и болтовни работников болела голова. До обеда еще далеко, а до конца смены еще дальше. Во всем цеху наблюдалось большее оживление, чем обычно. Потянувшись через проход, Луиза дотронулась до локтя своей соседки, Маришки, и спросила у нее, о чем все переговариваются. Та, качнув светлыми кудрями-пружинками, ответила:

– Прошел слух, что после перерыва нас соберут послушать какого-то красавчика из политиков. Его уже кто-то видел у директорского кабинета, говорят, картинка!

Выпалив все это, Маришка тут же вернулась к своему необъятному полотнищу, еще энергичнее разгоняя колесо машинки, словно мысли о красавце-мужчине на фабрике придавали ей сил.

«Что ж, меньше рабочих часов – меньше заплатят в конце недели», – пронеслась мысль в голове Луизы.

В обед слухи подтвердились: когда все расселись в общем зале со своими подносами, директор вышел в центр и попросил не расходиться после еды, чтобы послушать некую речь. Идти, кроме цеха, было все равно некуда, поэтому Луиза осталась вместе со всеми.

Через двадцать минут место директора занял человек, который одним своим видом, не произнося ни слова, смог бы приковать внимание целой толпы. Картинка – это слово описывало его наиболее верно, особенно в глазах сотни швей и закройщиц. Гость был высок и атлетически сложен, а волна каштановых волос падала ему на плечи, придавая сходство с принцем из сказки.

Мужчина представился Фабианом Дюпоном из Комитета по правам рабочих. Его речь была долгой и пространной, но сопровождалась обворожительными и галантными жестами, каждый из которых вызывал бурю восторга. Работницы фабрики, казалось, уже были готовы пойти на край света даже за таким пустомелей – ради одной только его улыбки.

Суть его разглагольствований сводилась к тому, как важны женщины в новом мире, который сейчас строится.

– И в знак нашей всесторонней поддержки мы выделяем вам в помощь двух замечательных консультантов! Они проследят за вашими условиями труда, а также уделят особое внимание вашему политическому просвещению, проводя небольшие лекции вроде этой. – Элегантный гость артистично повел рукой, указывая на сборище женщин в столовой, где стоял кислый капустный дух. – Кроме того, они будут представлять интересы вашего коллектива в Комитете по правам рабочих. Дамы, можете не беспокоиться, на ваших зарплатах это не скажется.

Последняя его фраза была воспринята с наибольшим энтузиазмом, только директор недовольно насупился. Видимо, либо его поставили перед фактом, либо на него надавили.

В столовую вошли двое: юноша, по виду студент, и девушка. Дюпон подозвал их поближе и представил своих помощников:

– Густав Юнсон и Анхен Монк. Прелестная Анхен будет пристально следить, чтобы ваша работа протекала в наиболее комфортных условиях. В конце концов, кто, как не другая женщина, поймет ваши нужды! В свою очередь, Густав будет читать лекции. И кто знает, возможно, к концу года кто-то из вас захочет вступить в наши ряды и помогать другим трудящимся дамам!

Герр Дюпон говорил еще минут десять, разливаясь соловьем о том, как важна работа Комитета. Его помощники молча стояли рядом, давая возможность разглядеть их. Анхен Монк, девушка худощавого сложения, держалась очень прямо, словно ей в детстве к спине привязывали доску для осанки. Ее прическа не могла не удивлять: копна густейших русых волос была обрезана на уровне мочки уха и топорщилась позади. Анхен оглядывала собрание швей, будто строгая учительница – класс расшалившихся гимназисток, прищурившись и поджав тонкие губы.

Молодой человек, Густав, смотрел на всех прямо и благодушно – было ясно, что он вполне доволен своим назначением на фабрику. У него была приятная, хоть и не бросающаяся в глаза, внешность: средний рост, лоб высокий, чуть выпуклый, и прямой нос, светлые волосы гладко зачесаны назад, что делало его похожим скорее на модника, чем на карьериста.

Наконец Фабиан завершил свою речь. Работницы принялись аплодировать, некоторые даже стучали столовыми приборами по жестяным подносам, а из толпы раздался одинокий задорный выкрик: «Красавчик!», который поддержали общим смехом. Собрание закончилось, и пора было возвращаться к работе.

Луиза заметила, как фрекен Монк прохаживалась по огражденному невысокими перилами верхнему ярусу, который позволял ей видеть весь швейный цех. На Лу это почему-то производило гнетущее впечатление, будто она в чем-то провинилась.

Пока провели только одну лекцию – об упадке страны до казни Иоганна Линдберга, государственного преступника. Герр Юнсон проникновенным голосом рассказывал, что рабочие страдали от низких зарплат из-за оттока средств в Олонскую Империю по вине короля-предателя. Слушая его, Луиза восстанавливала в памяти картины из прошлого: вот они с Гуннивой едут в карете, вот они среди веселой и пестрой толпы горожан... Все выглядели счастливыми и довольными жизнью, ничто не предвещало беды. Однако только для Луизы было очевидным: мало что в этой лекции походило на правду.

Со дня последнего собрания уже прошло некоторое время, но в жизни фабрики не произошло никаких ощутимых изменений. Луиза думала, что и она могла бы внести предложение, как улучшить жизнь всех швей: за машинками они сидели на жестких лавках, согнувшись и не имея возможности расслабить спину. К концу дня спина уставала так сильно, что ей приходилось по часу лежать на полу в общежитии, чтобы утихомирить боль в позвоночнике. Другие женщины тоже жаловались на это между собой. Идея Луизы заключалась в том, чтобы прико-

лотить к лавкам самые простые спинки, но она сомневалась, подойти ей самой или отправить более бойкую подругу к неприступной фрекен Монк.

– А к мужу моему в доки вовсе не наш красавец-мужчина приходил, помните же его? – продолжила беседу с соседками по ряду круглолицая Маришка. Все закивали: Фабиан был самой популярной темой для разговоров. – Мелкий такой, плюгавенький, смех один; его и не слышно было, за гулом-то мужиков! Даже на ящик влез, чтобы привлечь внимание. Но говорил вроде все то же самое. Повезло нам, да, Лиза? – обратилась та к Луизе, прервав ее размышления о лавках.

Лу повернулась к женщинам, чтобы послушать их пересуды.

– Глядя на герра Дюпона, и не скажешь, что он хоть что-то знает о жизни рабочих людей, – осторожно высказалась она. – Да и приходил он только один раз.

Таких кавалеров, как Фабиан, Луиза наблюдала в детстве каждый день: и во дворце, и по вечерам у фонтана. Поэтому он не произвел на нее никакого впечатления, разве что его ужимки показались ей по-театральному забавными.

– Ничего ты, Лизка, не понимаешь в мужчинах! Неужто забулдыги, что под мостом винище хлещут, тебе больше по вкусу? – укорила ее старшая швея.

– Между прочим, там у них в Комитете все молодые и красивые, я в газете фотографию видела! Может, Лиза себе другого присмотрела? Может, ей и вовсе председатель их нравится? – весело подмигнула ее соседка по общежитию Хелена, девушка с длинной черной косой, достающей до пола, когда ее хозяйка сидела.

– Это который смугленький такой, с таракаными усами? – уточнила Маришка, сдвинув тонкие брови. – Да фу, он же южанин, кому такой понравится!

– Еще не определились с женихами, достопочтенные герцогини? – вкрадчивым тоном произнесла Анхен Монк, которая, очевидно, уже долгое время стояла за их спинами.

С оглушительным треском она хлопнула увесистой метровой линейкой по столу, так что все вздрогнули и обернулись на нее, а Луиза сильно побледнела от испуга.

– Призвание Комитета – заботиться о трудящихся людях, а вы только трепаться горазды! – Голос Анхен звенел от гнева, а глаза бегали от одного смущенного лица к другому. – Мы предоставляем вам все условия для труда, а вы, в свою очередь, должны быть достойными такой помощи! – Она развернулась на каблуках и направилась было к двери цеха, но на полпути обернулась и бросила Хелене: – Ваши волосы неподобающе выглядят для работницы фабрики. Немедленно приведите их в порядок.

Едва расслабившись, Хелена вздрогнула и сжалась в комок под ее острым взглядом. Дождавшись, пока Анхен скроется из виду, она принялась скручивать свою роскошную косу в тугий узел, который можно будет скрыть под косыночкой. Все вернулись к своим машинкам, но уже в полном молчании.

В конце дня звонок объявил о конце смены, и Луиза с остальными поспешила к выходу с фабрики, но у входа в столовую они заметили толчею. Кто-то на бегу пояснил им, что фрекен Монк готовит внеочередное собрание. На лице каждой работницы были написаны усталость и раздражение, но тем не менее женщины продолжали собираться.

Оглядев собравшихся в зале, Анхен громко и четко произнесла свою речь, которая оказалась на удивление короткой:

– Я внимательно наблюдала за вашим коллективом и выявила несколько ключевых проблем, которые необходимо *искоренить*. – Она сделала ударение на последнем слове, отчего всем стало немного не по себе. – Во-первых, начнем с работниц столовой. Чтобы успевать приготовить все необходимое, вы должны приходите за час до начала смены, ведь теперь обед ровно в час тридцать, и на него будет отводиться пятнадцать минут вместо получаса. Иначе вы не справляетесь. Во-вторых, – тут она обратилась к тем немногим мужчинам, что трудились на фабрике грузчиками, – в бытовке на складе стоит запах перегара. Вы должны это прекратить,

если желаете и дальше пользоваться поддержкой Комитета. Наш председатель резко против пьянства. Кроме того, вы выполняете свою часть работы недопустимо медленно.

– Ну, дак мы это... – поднялся со своего места один из грузчиков. – Да нас же всего пятеро! Не справимся мы быстрее!

– Значит, мы отрядим женщин вам в помощь. – Анхен холодно окинула швей взглядом. – Некоторые из них не способны справиться с машинкой, а значит, будут работать иначе. Я прослежу за этим и составлю списки.

По толпе швей прокатилась волна возгласов, полных недоумения и возмущения.

– Да где это видано, чтобы мы с мужиками наравне тюки ворочали?! – выкрикнули сзади.

– В-третьих, – продолжила фрекен Монк, проигнорировав негодование работниц, – дисциплина в швейном цеху совершенно неприемлемая. Болтовня, разгильдяйство и неопрятность, как на базаре. Неудивительно, что так много бракованной продукции приходится списывать. И в заключение нашего собрания сообщаю, что мой коллега Густав готов начать основной курс лекций. Он будет читать их в это же время, каждый день. – Она кивнула в сторону окон, за которыми стоял вечер, еще по-зимнему темный. – Так, все, собрание окончено.

Резко оборвав свое выступление, Анхен быстрым шагом покинула столовую, провожаемая гомоном недовольных работниц.

С момента выступления Анхен распорядок на фабрике существенно изменился: как она и грозилась, часть женщин особо крепкого сложения отправилась на погрузку, а время на обед сократилось вдвое, поэтому некоторые умудрялись перекусывать прямо в разгар смены. К тому же повсюду начали появляться плакаты, нарисованные алой тушью от руки:

«Опрятный внешний вид – уважение к окружающим».

«Не болтая за едой, ты помогаешь коллегам сэкономить время».

«Меньше чая за обедом – меньше отлучек в уборную».

Последний плакат висел в столовой и отчего-то смешил Луизу больше других. Но, к сожалению, это было единственным забавным моментом в новых порядках. Анхен все больше утверждала свою власть над работницами фабрики. С другой стороны, лекции все-таки начались и стали ежедневными, а Густав Юнсон, выглядя отстраненным и погруженным в идеи общего блага, являлся противоположностью фрекен Монк. Возможно, ему думалось, что жалоб попросту нет, ведь Анхен умело ограничивала его общение с женщинами.

Его лекции не были похожи ни на пространные рассуждения Фабиана, ни на короткие заявления Анхен. Примерно на второй или третьей из них Луиза поняла, что ей действительно интересно не только слушать Густава, но и смотреть в его одухотворенное и вдохновленное лицо. В его слова о благодарном труде и процветающей стране с легкостью верилось так, как верил в них и сам лектор. Когда Лу его видела, ей хотелось и улыбаться, и прятать свою улыбку.

Из размышлений о благородном профиле и длинных ресницах Густава ее вырвала Маришка, ткнув Луизу локтем в бок.

– А ведь у меня именины на днях, – заговорщически прошептала кудрявая швея. – Придешь к нам с Павлом? Из деревни вкусностей прислали, колбасы, там, и сливовицы домашней.

– Приду, – вполголоса отозвалась Луиза. – Когда?

Почувствовав на себе взгляд Анхен, которая, сложив на груди руки, стояла у стены, она снова сосредоточилась на лекции.

– Послезавтра. Вместе после работы пойдем. И Хелена с нами.

В назначенный день после работы Луиза с подругами отправилась в доходный дом, где Маришка жила с мужем Павлом. Раньше в тех же домах держали фешенебельные комнаты для гостей в столице дворян, но теперь там жили все, кто мог вносить небольшую квартплату и хотел жить неподалеку от порта. Лестничные пролеты дома уже не выглядели презентабельными: изящные газовые светильники и ажурные чугунные перила плохо сочетались с обшарпанными дверями квартир и криво подписанными табличками с именами жильцов.

Зайдя внутрь, Маришка втолкнула подруг в комнатку и сразу бросилась суетиться на кухне. За стенкой щелкнул и тихо загудел газовый котел. Хелена устало опустилась на скамейку, сняла фетровую шляпку и принялась методично вынимать длинные шпильки из своей тяжелой прически. Луиза насчитала их не меньше дюжины.

– Сил больше нет, – протянула Хелена, распустив наконец косу. – Смотри, что с волосами стало! От этого узла волосы выпадать начали. Вот же ведьма...

– Анхен легко говорить, у нее же нет такой косы, поэтому твои проблемы ей непонятны. – Луиза сочувствовала подруге, но не знала, чем ей помочь.

Она прошла вглубь комнаты, напрямик к окну. Здесь открывался вид на порт и свинцово-темнеющее море. Закатное солнце еще освещало горизонт чуть розоватой полосой, а уличные огни уже зажглись. Через приоткрытую створку доносился запах весны и водорослей.

Как легко и сладко дышится у моря! Небо над общежитием Луизы затягивали тяжелые желтоватые облака, которые душили весь фабричный район, а из окна было не на что смотреть – только внутренний двор, кишашая котами и бродягами свалка да чужие окна. Здешний вид привлекал гораздо сильнее, и Лу по-доброму позавидовала Маришке, которая могла созерцать его каждый день.

Какое-то время гостя наблюдала за людьми на улице: одни спешили домой после работы, другие неспешно курили, собравшись в группы у ярких вывесок кабаков, а в тених переулков сновали сумрачные личности, вызывавшие тревогу. Луизе было интересно наблюдать за всеми ними, не меньше чем за аристократами из дворцового окна. Вдруг у нее в памяти всплыл вид на королевский парк, воспоминание ускользающее и радужное, словно сон о прошлой жизни.

Из грустных мыслей о детстве ее вырвали громкие голоса, доносившиеся из прихожей. Маришка отвлеклась от нарезки колбас и тотчас поспешила к дверям. Хелена в это время сидела на кровати, все еще расчесывая волосы.

Двери распахнулись, и в них показался несуразно высокий детина с едва вписывающимися в проем плечами, одетый в комбинезон. Повисшая у него на шее пухлая Маришка казалась крошечной и хрупкой, как кукла, а ее туфли в тот момент даже не доставали до пола. Деликатно придерживая жену за спину, Павел внес ее в квартиру, где поставил на ноги и чмокнул в щеку.

Он снял красную вязаную шапочку, под которой обнаружилась обширная залысина, что выглядело несколько странно при его густых светлых бакенбардах. Затем он поочередно протянул руку обеим девушкам и присел на табурет за стол.

За ним в комнату вошел пожилой сухощавый мужчина с жидкой шевелюрой, разделенной надвое пробором, и пухлогубым лягушачьим ртом. На его лице отражались годы добросовестного пьянства и глубокий скепсис. В руке новоприбывший держал авоську с тремя бутылками портвейна, брякнувшими, когда он поставил их на стол и уселся рядом с Павлом.

– А это куда, Влас Катич? – Маришка недоуменно мотнула головой в сторону пятилитровой бутылки со сливовицей, оплетенной лозой.

– Сливовица – девицам, а это мне, – хриплым голосом ответил он. Павел понимающе ухмыльнулся.

Маришка быстро расставила на столе тарелки с деревенской колбасой и обжаренными капустными рулетиками, какие раньше часто готовила Зельда, а Павел разлил сливовицу по разномастным кружкам. Его коллега откупорил бутылку портвейна и налил темную жидкость в граненый стакан.

Когда гости расселись вокруг стола, Павел предложил выпить за здоровье именинницы, и все пригубили из своих кружек, а Влас Катич залпом осушил стакан и залихватски крикнул.

Луиза раньше пробовала вино, но сливовица была слаще и приятнее, хоть обжигала горло, как и любой алкоголь.

– Хорошо дома! – расслабленно вздохнула Маришка. – А у нас Дракониха, как всегда, бушует, грозитя штрафами за разговоры на работе.

– Это которая ваша из Комитета? – отозвался ее супруг. – Не понимаю, как ее вообще допустили к работе. Наши только на пользу трудятся – вот, зарплату нам повысили. Может, ну ее, фабрику твою, посидишь дома, нам хватит.

– Нет уж, лучше б эту вредительницу выгнали, еще я не бегала! – возразила Маришка, воинственно вонзая вилку в кусок колбасы.

Их беседа продолжалась, становясь все более непринужденной от кружки к кружке. Здесь Луиза чувствовала себя в безопасности, даже большей, чем в привычной каморке общежития. Ей нравилась компания, где от нее ничего не требовалось. Даже мужчины, которых она видела впервые, не вызывали тревоги.

Спустя какое-то время подала голос захмелевшая Хелена.

– Вкусно, Маришка, я с детства такой колбасы не пробовала, – мечтательно протянула она. – Это из какого поместья привезли?

– Из моего, конечно, у меня же отец скотник, ты забыла? – напомнила повеселевшая хозяйка. – Вот выше имение, так у них одни горные пастбища и скотина никакая, не мясная. Не то что у нас.

– А ведь Влас Катич тоже из тех мест, лесом занимался. – Павел обратился к старику, который осушал уже третий стакан: – Верно я говорю?

– Верно, – степенно кивнул Влас Катич. – Но я этот лес не просто валил, а был бригадиром, а потом и вовсе управляющим поместьем. Целым поместьем! – Он развел руками, будто показывая масштабы своей влиятельности.

– Да слышали мы уже твои рассказы. Только разве не выгнал тебя старый граф? – ехидно осведомилась Маришка.

Влас Катич допил остатки портвейна и, грохнув стаканом об стол, тяжело вздохнул, встал и, отойдя к окну, драматично закурил.

– Очернили! Завистники! – Облачко сизого дыма повисло над его головой, обращенной к порту.

Все повернулись к нему, готовые выслушать историю, явно рассказываемую не впервые.

– Да не выгнал бы он меня, никогда б не выгнал. – Влас Катич затыкнулся в очередной раз. – Если б не этот твареныш... я ж верой-правдой десять лет служил, оба поместья на меня равнялись. Да только... – Тут он повернулся к компании. – Все же знают нынешнего председателя Комитета по правам рабочих?

– Жоакин Мейер, – утвердительно кивнула Хелена.

– Он самый. Я ж его с этих самых пор знал. – Он показал ладонью уровень чуть выше подоконника. – Он и занял мое место, уж очень графу приглянулся. Весь чистенький, хоть и из грязи вылез. Его же от иберийца-бандита старая дева прижила, на первого попавшегося кинулась, а родив – померла. Вырастил его дядька. Строгий, хоть сам и пил по-черному. Лупил каждый божий день розгами, дурь, говорит, выбивал. Да видно, не всю выбил.

– Но, говоря по справедливости, если бы не этот Мейер, мы бы тут не сидели так запросто и не пили бы этот замечательный портвейн, – примирительно заметил Павел, поболтав остатками питья в бутылке.

– И правда что, – согласился, опустив плечи, Влас Катич и вернулся к столу.

Дружеская беседа продолжалась. Маришка делилась воспоминаниями о своей юности в деревне и о том, как она пасла коров на солнечных лугах, пока не подалась за заработками в город и не встретила Павла. Луиза заметила, как теплеет ее резковатый голос каждый раз, когда речь заходит о муже. Ей очень нравилась эта атмосфера взаимной любви и нежности.

Именинница продолжала бы и дальше, но все услышали громовой храп прикорнувшего на столе среди тарелок Власа Катича. Тогда Павел поднялся и потащил расслабившегося старика в его комнату. Вернувшись, он предложил вызвать гостям извозчика, ведь время было позднее, а хозяева, даже если бы очень хотели, не смогли бы расположить всех в своей скромной комнатухе.

Оказавшись в повозке, Хелена взбодрилась от ночного воздуха и начала болтать, как обычно:

– А я забыла, представь себе! Всем хотела рассказать и забыла. Свадьбу готовят, королевскую. Принцесса Агнесс выходит замуж за Антуана Спегельрафа. В городской ратуше. Ух, хотела бы я увидеть ее платье! И коронация в тот же день, представляешь? У нас снова будет король, здорово же?..

Услышав знакомые имена, Луиза будто немного протрезвела и встрепелулась. Попыталась вспомнить лицо старшего брата и не смогла – слишком давно видела его в последний раз. Король... Кто бы мог подумать. Должно быть, отец доволен.

Зайдя наконец в свою комнату, Луиза вернулась в сумбурное хмельное состояние. Мысли в голове путались, соединяясь между собой в непредсказуемые цепочки. Едва ее голова коснулась тонкой подушки, она мгновенно погрузилась в сон.

Луизе снились залитые солнцем луга у горной речки Флог, по которым, оседлав механическую корову, мчался Фабиан Дюпон, а его волосы развевались на ветру под оглушительные аплодисменты всего швейного цеха. Особо пылкие девушки падали в обморок, когда тот рассыпал воздушные поцелуи, гарцуя на своем скакуне. Внезапно из толпы выбежала Анхен Монк, ударила его по голове метровой линейкой, и образ разлетелся во все стороны белыми чайками, которые, оглушительно вереща, пытались достать ее клювами. Рассвирепев, Анхен принялась сорить звонкими монетами из сита прямо на сверкающий от капель дождя тротуар, в который превратился зеленый луг, а толпы работников с факелами в руках кинулись их собирать, избивая друг друга и причиняя страшные увечья. Среди них Луиза разглядела и старого Власа Катича, который без умолку кричал: «Очернили! Завистники!» – пока один из рабочих не отрубил ему голову тесаком. Тогда тот превратился в гуся и степенно зашагал по безлюдному коридору королевского дворца, проходя мимо трупа Йоганна Линдберга с распахнутыми серыми глазами.

Следующий день на работе показался Луизе пыткой: стрекот машинок, хлопанье дверей, шорох ткани – каждый звук казался ей нестерпимым и впивался в виски, отзываясь где-то за глазами. К тому же ее страшно клонило в сон и приходилось больно щипать себя за переносицу, чтобы не упасть лицом прямо на машинку. От духоты и шума перед глазами все плыло и вздрагивало. Хелена тоже выглядела нездоровой и осунувшейся, в то время как Маришка держалась обыкновенно бодро, только изредка обеспокоенно поглядывала на подруг. Даже странно, что Анхен не подошла и не учинила им разнос, почувствовав момент слабости.

Не только часы, но даже минуты тянулись мучительно долго, а после работы еще была лекция Густава, которую Луиза ни за что не хотела бы пропустить.

К звонку со смены Луиза была полностью истощена; кроме того, она не смогла заставить себя съесть ни крошки за обедом. Она заметила, что Хелена бочком прокрадывается к выходу с фабрики, явно намереваясь улизнуть. Почувствовав на себе взгляд Луизы, Хелена обернулась к ней, сделала страдальческое лицо и знаком попросила не выдавать ее. Лу понимала подругу, но сама осталась.

Как и всегда, она внимательно вслушивалась в каждое слово Густава, ловила каждую его мысль. Если бы он обратился прямо к ней и спросил, что же она запомнила из его лекций, та бы пересказала все без запинки. Чтобы понять сказанное им, Луиза представляла разные сценки, где придавала человеческие черты заводам и гильдиям, – это было очень увлекательно. В какой-то момент образы в голове Луизы вышли из-под контроля, и хотя ей казалось, что сама она продолжает внимательно слушать лекцию, словно бы потерявшую логику и принявшую странный оборот, со стороны было видно, что она уснула, безвольно приоткрыв рот и уронив голову на грудь.

Три звонких щелчка прямо у нее над ухом прозвучали как удары хлыста, и Луиза подскочила, испуганно всхлипнув. Перед ней стояла Анхен Монк с пугающей плотоядной улыбкой и красными пятнами на щеках и шее. Как правило, она не вмешивалась в ход лекции, но случай Луизы показался ей вопиющим.

– Не выспались за работой, фрекен? – ядовито начала она. Густав оторвался от своих бумаг и вместе со всеми уставился на неприятную сцену. – Или лекции герра Юнсона слишком скучные для вас? Нет? Слишком непонятные? Молчите?!

– Анхен, оставь девушку, – примирительно окликнул ее Густав, улыбаясь самой мягкой своей улыбкой. – Здесь так душно, что я и сам сейчас усну. Удивительно, как вы все еще это терпите, – обратился он к своим слушательницам, а те, переглядываясь, захихикали, ведь фразу лектора можно было отнести и к фрекен Монк. – Давайте лучше откроем окно, так всем станет легче!

Обстановка немного разрядилась, а воздух в столовой посвежел – пахло первым дождем. Густав вернулся к своим бумагам и продолжил как ни в чем не бывало, а фрекен Монк заняла обычное место у входной двери. Луиза боялась пошевелиться от стыда за свой промах, но сонливость полностью ее покинула. Особенно ей было неудобно перед Густавом. Она не хотела, чтобы он думал, будто Луиза не слушала. А как он вступился за нее перед Анхен! Это были благородные слова прекрасного человека, надо непременно его поблагодарить. Решено: сегодня она переборет свою застенчивость и объяснится перед ним за этот поступок.

Когда лекция была окончена и все двинулись на выход, Луиза вдоль стенки пробралась к импровизированной трибуне из двух деревянных ящиков, на которых Густав раскладывал листки с планами и заметками. Неловко кашлянув, она обратилась к молодому человеку неестественно тонким голосом:

– Герр Юнсон, послушайте...

– Конечно-конечно. – Он оторвался от бумаг, где ставил какие-то галочки, и, увидев ее, весело вскинул брови и воскликнул: – Ба, да это же Спящая красавица! Вы хотели спросить о чем-то?

– Не совсем... – Луизе потребовалось еще несколько секунд, чтобы собраться с духом. – Видите ли, мне очень нравятся ваши лекции, я обычно все-все слушаю и запоминаю. Прошу, не думайте обо мне плохо. – Она выпалила все на одном дыхании, опустив глаза в пол, но потом вскинула голову и посмотрела Юнсону прямо в лицо: – И спасибо, что вступились за меня. Надеюсь, что не доставила вам больших хлопот. – Она слегка присела в подобии книксена, которым в исключительных случаях пользовались простые девушки с фабрики.

Неожиданно Густав рассмеялся. Кровь прилила к лицу смущенной Луизы, и она недоуменно ждала, пока он закончит и скажет хоть что-нибудь.

– У меня и в мыслях не было осуждать вас, честное слово! – Он снова широко улыбался, но уже не всей столовой-аудитории, которая была сейчас гулко пуста, а лично Луизе. – Как вас зовут? Я ведь никого по именам не знаю... только немного узнаю лица.

– Лиза Вебер, швея, – назвала свое «простое» имя Луиза и пожала протянутую руку юноши.

– Так-то лучше! Ну а мое имя, полагаю, вам знакомо. – Его тон был теплым и дружелюбным, чего Луиза вовсе не ожидала от этого разговора. – Так вы говорите, вам нравятся мои лекции, Лиза? И чем же? Я все боялся, что они смертельно скучны и запутанны!

– Нет, что вы! – всполошилась девушка. – Все очень понятно, особенно если представлять себе все эти мануфактуры, капиталы и классы как человечков. Я так и делаю! – Тут она сообразила, какую глупость ляпнула, и сконфуженно замолчала.

– Как любопытно! А вы, случаем, не рисуете? – Казалось, он живо заинтересовался ее идеей. – Не могли бы вы показать мне этих самых персонажей?

– Я могла бы попробовать... – Луиза воспрянула духом.

– Тогда я с нетерпением буду ждать, когда вы принесете мне зарисовки по моим занудным рассуждениям.

– Я принесу завтра! – выпалила Луиза и впервые за день искренне улыбнулась.

Попрощавшись с Густавом, швея заторопилась домой сильнее, чем обычно: ведь она обещала принести картинки на следующий же день и хотела покорпеть над ними, пока не выключат свет на ночь.

Луизе удалось отыскать только один лист коричневатой упаковочной бумаги, который не был испачкан ни жиром, ни овощным соком, и огрызок химического карандаша. С горечью она подумала, что ее нынешняя жизнь не располагает ни к ведению дневников, ни к пейзажным зарисовкам. Тем не менее она постаралась, перенося забавные образы из своей головы на грубую бумагу с заломами.

Вот на листе появились пузатые и ленивые гильдии, плечистый рабочий, чем-то похожий на Павла, дымящий трубкой завод, аристократия в виде комично-галантного кавалера и строгое усатое лицо Комитета.

Едва все было закончено, а имена человечков подписаны для ясности, с прощальным шепотком исчез в настенном светильнике газ, и строго по расписанию комната погрузилась в темноту.

На следующий день она не могла дожидаться встречи с Густавом и все время проверяла, на месте ли рисунки, свернутые для сохранности в трубочку и перевязанные шнурком. Луиза сильно волновалась: понравятся ли ему ее карикатуры? Когда она наконец смогла подойти к нему после лекции, он сразу вспомнил об их уговоре и рисунках, радостно принял их из ее рук и погрузился в изучение набросков.

Через пару минут он поднял голову и обратился к Луизе:

– Это потрясающе! Очень остроумно и забавно, как раз то, что понравится людям!

Девушка разулыбалась, польщенная такой оценкой, тем более от Густава.

– У меня только одно замечание. – Он указал на персонажа Комитета. – Этот образ необходимо смягчить и сделать не таким похожим на реального председателя. Не думаю, что он одобрит такую карикатуру.

– Ой! – Луиза испуганно прижала руки ко рту. – Я и не знала в точности, как он выглядит! Только понаслышке!

– Тогда ничего страшного, – успокоил ее Густав. – Сможете перерисовать это набело? Или даже нарисовать конкретные сценки по мотивам лекций? Например, как Комитет помогает Рабочему встать на ноги и защищает его?

– Я с радостью! – тут же откликнулась девушка. Но сразу смешалась и в смущении посмотрела на стол. – Вот только у меня кончилась бумага. Но я куплю на выходных и все-все перерисую! – немедленно заверила она молодого человека.

– Ха, в этом нет нужды. – Он с довольным видом указал на кипы бумаг перед собой. – Берите мою, у меня ее более чем достаточно!

Теперь вечера приобрели дополнительный смысл для Луизы: кроме ежедневных лекций, она занялась иллюстрациями. Сначала она рисовала всех персонажей только по грудь, потом Густав попросил нарисовать их в полный рост и в разных позах и с каждым разом хвалил ее все больше. Ему думалось, что если доработать идею и отточить сценки, то проектом можно будет похвастаться в Комитете. Конечно же, авторство безраздельно принадлежало Лизе Вебер, но над сюжетами картинок, а также над подписанными снизу диалогами они работали вместе.

В один из вечеров Густав предложил отдать ей те лекции, что уже были прочитаны на фабрике, а в последний момент деликатно уточнил, умеет ли она читать. Луиза удивилась такому вопросу, но потом вспомнила, что даже Маришка не была обучена грамоте, а потому узнавала все новости из сплетен и пересказов газет от Хелены. И тут Луиза ясно поняла предназначение своих рисунков, если их проект будет одобрен и поддержан: не пугающие плакаты с призывами, а забавные нарисованные сценки сделают идеи Комитета понятными для тех, кто не мог читать даже по слогам. Это делало задачу еще более ответственной, и Луиза с энтузиазмом приняла вызов. Еще никогда она не чувствовала такой вовлеченности в события, происходящие в стране.

С записями Густава дело пошло еще быстрее и увереннее. За выходные Луиза успела проиллюстрировать четыре лекции и пару манифестов, которые Густав специально принес ей из штаба Комитета.

На работе Луиза хотела было положить рисунки в ящик стола, где держала ножницы, горько пахнущее масло для машинки и кусочек мела, но там нашелся предмет, которого в пятницу еще не было. В неглубоком ящичке лежал альбом в плотном изумрудном переплете с хорошей бумагой, годной и для акварели, и для угля. Листы были соединены тонкой черной лентой через круглые отверстия, так что можно было вынимать готовые рисунки, развязав крохотный бантик.

Луиза в изумлении смотрела на вещь, равных по изяществу которой она не видела уже много лет. Сначала она даже не решалась прикоснуться к альбому, словно тот мог исчезнуть. Но потом вдруг решила, что альбом попал к ней по ошибке, и поспешно открыла его в надежде увидеть метку хозяина.

Однако обнаруженная под обложкой надпись ошеломила ее еще больше:

Лизе Вебер, удивительно талантливой девушке. Творите! Густав Юнсон.

Смысл написанного дошел до нее не сразу: Густав сделал ей подарок. Конечно, это было нужно для общего дела, но Луиза никогда прежде не получала подарков от молодых людей.

– Что у тебя там? Тетрадь? – Ей за плечо заглянула Хелена, только что пришедшая на работу, как раз к звонку на смену.

– Нет, это для рисунков. – Бережно сложив в альбом принесенные зарисовки, Луиза закрыла его и осторожно убрала обратно в ящик, чтобы он не касался масленки. – Для Комитета, я обещала помочь герру Юнсону.

– Так вот о чем вы после лекций разговариваете, – разочарованно протянула подруга. – Дела... Я-то уж подумала, что у вас намечается роман...

– Не говори глупостей, – испуганно прервала ее Луиза, оглядываясь по сторонам. – Еще не хватало, чтобы начали сплетничать.

– Не сердись, я же не знала, что ты рисуешь! – Хелена примирительно чмокнула ее в щеку. – Покажешь? Или секретный проект? – Она сделала круглые глаза.

– Покажу, когда будет готово, – улыбнулась Луиза – впервые за последние недели, когда придирки Анхен Монк отравляли ей жизнь и подавляли обычно беззаботный нрав. – С чего такое веселье? Ты сегодня просто болтушка.

– А погляди! – Хелена мотнула головой, и Лу заметила, что прекрасная длинная коса подруги снова свободно змеится по ее спине.

– Ты рискуешь, – пробормотала Луиза. – Анхен устроит тебе... даже не знаю, на что она способна.

– Вот и посмотрим. – Хелена пожала плечами. – В правилах ничего не написано про прически, а мне надоело ее бояться.

В тот же день после лекции Луиза подошла к Густаву, чтобы поблагодарить его за такой удивительный знак внимания и поддержки, но он был рассеян, куда-то спешил, и разговора не получилось.

Казалось, молодой человек и вовсе забыл о произошедшем, но через пару дней в ящике Луизы оказалась дюжина неочиненных угольных карандашей. Она не сдержалась и порывисто прижала всю их связку к сердцу – и только потом положила обратно в ящик. В этом не было ничего личного, не могло быть. Просто Густав хочет, чтобы дело продвигалось быстрее, а рисунки были удачнее. Это было так, но в ее груди заплескалась крохотная рыбка радости, заставляя мечтательно улыбаться за скучной работой. Только один раз она выпала из своего светлого состояния: когда проходящая мимо Анхен ядовито шепнула Хелене что-то насчет последнего предупреждения и осведомилась, долго ли будет отсутствовать Маришка.

Вечером Густав снова перевел тему, едва она захотела сказать спасибо за карандаши. Но он был крайне внимателен к ее работам и удовлетворенно отложил некоторые как конечный вариант.

– На сегодня все. – Он со вздохом откинулся на стуле.

Теперь они не стояли у кафедры, а занимали край обеденного стола, предварительно застелив его газетами. Те пестрели крупными заголовками о королевской свадьбе, намеченной на конец июня, будто эту тему можно было обсуждать бесконечно и на разные лады. Луиза принялась собирать листы в стопку, чтобы связать их лентой.

– Думаю, еще полдюжины полноценных иллюстраций – и проект можно будет представить на собрании. У него грандиозные перспективы! Вы понимаете? – Он поднялся со своего места и отошел к окну.

Луиза молча кивнула, хоть он и не мог этого видеть. Но Густав не нуждался в ответе.

– Лиза, я хотел вам признаться... – Он неуверенно замолчал, а девушка замерла с колотящимся сердцем, будто заяц в траве. – Вы ведь знаете, я студент... Изучаю философию. Предпоследний курс.

– Да, – тихо отозвалась Луиза, хотя до этого он никогда не говорил, чем именно занимается, кроме просвещения швей.

– Я больше не вижу в этом смысла, хочу оставить учебу и полностью посвятить себя работе в Комитете. – Он повернулся к неподвижно стоящей художнице, все еще сжимающей листы в побелевших пальцах. – Скоро выборы в парламент, и я сделаю все для того, чтобы наш Комитет превратился в главенствующую партию! – В глазах молодого человека загорелся незнакомый огонек. – Мне больше недосуг заниматься бессмысленными изысканиями, там нет

истины. – Он хлопнул широко раскрытой ладонью по столу, указывая не то на рисунки, не то на газеты. – Вот где истина! Вот где стоящее поприще для мужчины и мыслителя!

Он резко замолчал и опустил голову; несколько напomaженных прядей выбились из прически и упали ему на лоб.

– Я думаю, вы совершенно правы, но... Почему вы мне рассказываете об этом? – робко подала голос Луиза.

– Лиза... – Он будто только что заметил ее, забывшись в своих мыслях. – Я хотел, чтобы вы знали. Мне кажется, вы стали мне важны. Наше общение, я имею в виду, – тут же поправился он, но его рука двинулась по столу навстречу узкой кисти Луизы и буквально на секунду накрыла ее, пожала и отпустила.

Более в тот вечер они не сказали ни слова и торопливо вышли в одни двери.

Судя по всему, Густав оказался верен слову и оставил учебу. По крайней мере, Луиза с утра увидела его, поднимающегося на второй этаж, где находились кабинеты счетоводов, директора и каморка со столом Анхен.

Луиза прошла к своей машинке и села, взяв первую в очереди стопку грубой ткани, которой сегодня суждено было превратиться в непромокаемые чехлы для морских грузов. Но перед тем как приняться за работу, она все-таки украдкой заглянула в ящик. Сначала ей показалось, что в нем все по-прежнему, и она даже успела почувствовать легкий укол разочарования, но тут услышала звук, будто круглый предмет гулко перекатился. Она протянула руку – и вынула небольшое зеленое яблочко, молодое и крепкое. Это было настоящим чудом, ведь в апреле яблок было не достать. Словно почувствовав что-то, она подняла глаза на второй ярус и увидела Густава, который стоял, опершись на перила, и глядел вниз, на цех, на Луизу. Встретившись с ней взглядом, молодой человек беззаботно улыбнулся и помахал ей рукой. Луиза ответила и на улыбку, и на жест.

Волшебный миг кончился, Густав развернулся и ушел по своим делам, а она вернулась к своим. Ей казалось, что воздух, ее руки и волосы – все пахнет яблоками.

После обеда, на котором работницы быстро и безрадостно залили в себя несоленый рыбный суп, Анхен подождала Луизу у дверей в столовой и сухо бросила, чтобы та прошла в ее кабинет. Юная швея искренне не понимала, в чем тут дело и где она провинилась.

Луиза никогда раньше не бывала в кабинете фрекен Монк и не знала ни одной швеи, заходившей туда. Комната производила гнетущее впечатление – переделанная из кладовой, с узким окном-бойницей и одиноким столом, явно позаимствованным из цеха. Стол был покрыт многочисленными царапинами и завален бумагами: манифесты, листовки и списки имен – некоторые из них были зловеще подчеркнуты красным карандашом.

Единственное украшение кабинета вызывало недоумение: уменьшенная копия известной картины с батальной сценой начала века. Луизе она была хорошо знакома – оригинал висел в одном из залов королевского дворца. У нее промелькнула мысль, что Анхен следовало бы родиться мужчиной и пойти по военной стезе, чтобы муштровать солдат, а не швей.

– Чем я могу быть полезна фрекен? – сдерживая волнение, спросила Луиза.

– Полезна? Сомневаюсь. Но разговор нам предстоит серьезный. – Фрекен Монк обошла юную швею со спины и заняла позицию за столом, с которого взяла один из списков. – Вот уже несколько месяцев я изучаю ваш коллектив... и сделала неутешительные выводы. Некоторые люди не только не помогают, но и вредят рабочей атмосфере, за которую я отвечаю. Это список на увольнение. – Она помахала бумагой перед лицом Луизы. – И вы в нем.

– Но почему? Я не опаздываю и соблюдаю дисциплину, а если вы о том случае на лекции, то герр Юнсон меня извинил!

– Как я вижу, – повысила тон Анхен, – расположение герра Юнсона повлияло на вас худшим образом. Вы стали слишком много себе позволять.

– О чем вы говорите? – в замешательстве пробормотала Луиза.

– Не отпирайтесь! Это омерзительно! Вы флиртовали с ним за моей спиной самым бесстыдным образом, и об этом все знали! Вместо того чтобы...

– Вместо того чтобы просто строчить чехлы от звонка до звонка, мы с герром Юнсоном в свободное время трудились на благо коллектива, фабрики и вашего Комитета в том числе! И наша работа принесет реальную пользу! – не сдержалась Луиза и почувствовала, как краснеют от возмущения ее лоб и уши.

– Вы просто лгунья! – взвизгнула Анхен и ударила по столу кулаком. – Я видела, как вы нежничали вчера вечером, он держал вас за руку!

Луиза задержала дыхание, и внезапно страх покинул ее. Она увидела фрекен Монк с другой стороны – слабую и обиженную.

– Шпионить за мной после работы тоже является вашей обязанностью? – Луиза не ожидала, что ее голос может звучать так спокойно и угрожающе. – Так вот в чем дело. Вы к нему равнодушны. Вот только это не имеет ко мне никакого отношения. Как и ваши списки.

Впервые Анхен не нашлась, что возразить, а если бы и знала, то в смятении не смогла бы выдать и звука. Не дожидаясь ответа, Луиза спешно покинула ее кабинет и устремилась вниз по грохочущей лестнице, даже не заметив окликнувшего ее Густава.

В попытках забыть неприятную сцену Лу постаралась с головой погрузиться в однообразную работу за машинкой и ни на кого не обращала внимания. Она оставалась в этом отчужденном состоянии до самого конца смены, когда разразилась настоящая буря.

Распахнув двери, ведущие на склад, на пороге цеха появилась Анхен Монк. Оглядев замолкших женщин, она решительно направилась к заднему ряду, волоча за собой по полу один из готовых брезентовых чехлов. Луиза подумала, что фрекен Монк движется к ней, но опасения девушки не подтвердились. Анхен остановилась перед Хеленой и с силой швырнула чехол ей на стол. В цеху воцарилась абсолютная тишина.

– Ваша работа? – подняв бровь, осведомилась Анхен.

– Судя по бирке, моя, – подтвердила Хелена, мужественно расправив плечи. – Что с ней не так?

– А вы посмотрите сюда! – Фрекен Монк ткнула пальцем в один из швов. – Как вы это объясните?

Даже с места Луизы было видно, как на светло-серой ткани выделяются несколько длинных черных волос, вшитых в машинную строчку.

– Не пугайте так, это же пустяки. Я сейчас исправлю... – Хелена склонилась над тканью и попыталась убрать волосы из шва.

Тут Анхен схватилась одной рукой за косу девушки и дернула ее на себя, отчего та вскрикнула и выгнулась от боли. В другой руке фрекен Монк блеснули массивные ножницы для кройки, и в следующее же мгновение они впились Хелене в волосы на затылке и начали со скрежетом их кромсать, пока тяжелая коса не опала на пол возле ошарашенной девушки. Швейи даже с самых дальних рядов привстали на местах, чтобы не упустить ни детали. Тяжело дыша, Анхен бросила ножницы на каменный пол и покинула цех.

Хелена двумя руками обхватила затылок, обернулась и увидела косу, змеей свернувшуюся позади нее. Судорожно всхлипнув, она сползла на пол и взяла ее в руки. Луиза и Маришка бросились к несчастной. Исступленный крик отчаяния потерялся в оглушительном звонке, возвещающем конец смены.

По дороге домой Луиза не могла себе позволить ни приблизиться к подруге, ни упустить ее из виду. Напоминающая умалишенную, Хелена все время притрагивалась к волосам, взъерошивала неровные пряди и что-то бормотала сквозь слезы. Виня себя в произошедшем, Луиза чувствовала жгучий стыд. Не стоило недооценивать Анхен Монк и ее готовность переступить черту.

Деревянной походкой Хелена шла зигзагами, переходя то на одну, то на другую сторону улицы, спотыкаясь о трамвайные рельсы, окруженные грудami выломанных из мостовой булыжников. В конце концов она свернула вовсе не туда, куда нужно. Луиза, пока подруга окончательно не скрылась в тених за поворотом, поспешила следом за ней.

В проулке по камням домов комками сползала плесень и несколько чаек пожирали ошметки, разбросанные у задней двери рыбной лавки. В просвете виднелась поникшая фигурка: одной рукой Хелена придерживалась за стену. У противоположной стены, привалившись, стояла девчушка в мешковатой одежде и курила папиросу.

Луиза ускорила шаг, поравнялась с Хеленой и осторожно коснулась ее плеча. Вопреки ожиданиям, подруга не высвободилась из-под ее руки, но принялась снова всхлипывать.

– Прости, прости, прости меня, пожалуйста! – бессвязно бормотала Луиза, хоть и знала, что та ее не поймет.

– Пусть ее, проплачется – легче станет, – раздался на удивление хриплый и низкий голос незнакомки.

Луиза в негодовании обернулась и резко ответила:

– Да что ты понимаешь!..

Девчонка бросила на землю докуренную папиросу и тут же достала из-за уха новую. В мелькнувшем огоньке спички Луиза заметила рубцы от ожога на левом виске и саркастическую ухмылку. Незнакомка вразвалочку скрылась в темноте проулка, оставив девушек наедине с их горем.

Через несколько минут Хелена немного пришла в себя, и они, обнявшись, пошли навстречу огням из окон общежития, такого привычного и такого ненавистного.

#4. Карикатуры и уродства

– Вы не пришли вчера, – без лишних слов начал расспросы Густав, когда они увиделись на следующий день. – Дело во мне? Я вас обидел? Поверьте мне, я не хотел...

Луиза медлила, теребя край синей вязаной кофты. Ей не хотелось ни лгать, ни посвящать его в эту ситуацию. Был ли Густав причастен к случившемуся? Косвенно – да. Был ли он виноват? Нисколько.

– Личные проблемы... я помогала подруге. – Ей удалось найти подходящий ответ.

Густав вздохнул с облегчением. Похоже, его действительно встревожило ее отсутствие.

– Теперь все в порядке? – из вежливости уточнил он.

Луиза кивнула, хоть это было не совсем так. Хелена пролежала всю ночь без сна, глядя сухими глазами в высокий потолок, а Луиза сидела рядом на краю ее узкой кровати и держала подругу за руку. Было бы глупо думать, что Хелена так горевала о косе, – она скорбела о себе и о неудавшейся попытке отстоять свое достоинство. Она была совершенно уничтожена. Но все же с рассветом Хелена нашла в себе силы встать, спрятать остатки некогда роскошных волос под косынку и отправиться на работу. На лице Хелены застыло горестное выражение, которое останется с ней надолго.

В свою очередь Анхен выглядела победительницей и полновластной хозяйкой фабрики. Остальные были так напуганы, что не обсуждали ее даже за глаза. Луиза ни с кем не могла поделиться ни тем, что узнала об Анхен, ни о своей роли в последних событиях. Единственным разумным выходом ей представлялось подчиниться давлению фрекен Монк и отказаться от общения с Густавом. Луиза не могла представить, каким может стать следующий ход Анхен. Поэтому она собралась с духом и обратилась к Густаву, который в тот момент уже пролистывал принесенные рисунки.

– Герр Юнсон... проект почти закончен. И все иллюстрации уже готовы... Только тушью обвести осталось. Я хотела сказать, нам больше не нужно вот так видеться. В смысле, на фабрике. К тому же пошли разговоры, которых я бы хотела избежать. Нас неправильно поняли и...

– Что вы говорите, – протянул Густав. Не отрываясь, он глядел на один из рисунков. – Скажите мне лучше, где вы так научились рисовать? – Он развернул бумагу так, чтобы Луиза могла видеть изображенное на ней, и улыбнулся.

На листе был портрет самого Густава углем в полуанфас. Когда Луиза в задумчивости рисовала его на лекции, ей показалось, что в таком ракурсе она сможет подчеркнуть благородство формы его лба, скул и прочих полюбившихся ей черт. В портрете не было карикатурности, с которой Луиза обычно изображала своих персонажей, и он не предназначался для чьих-либо глаз. Тем более для глаз Густава.

На секунду ей захотелось сжаться в крохотную точку и исчезнуть без следа, а молодой человек все продолжал смотреть на нее с озорной улыбкой. Устыдившись того, что теперь Густаву видна ее симпатия, Луиза подскочила к нему и попыталась вырвать злосчастный листок из рук. Все это было по-детски глупо и неправильно. Юноша решил не отдавать рисунок и, дразня Луизу, отводил руку с ним то вверх, то в сторону, то за спину, чтобы она не могла до него дотянуться.

В какой-то момент расстояние между ними сократилось настолько, что девушка на мгновение ощутила тепло его дыхания. Луиза тут же отпрянула и закрыла ладонями горящее лицо, готовая расплакаться от смущения. За последние сутки она пережила слишком много, а теперь и это... Как смотреть ему в глаза?

Густав положил свой портрет на стол, шагнул к Луизе и отнял ладони от ее лица.

– Вы говорите, нам больше не стоит здесь встречаться? – уточнил он. – Что ж, не вижу в этом ни малейшей проблемы!

Луиза непонимающе смотрела то на него, то на свои руки в его руках, которые он держал бережно и нежно.

– Теперь, когда все готово, я приглашаю вас присоединиться ко мне на сегодняшнем собрании Комитета. – Он легко коснулся губами холодных пальцев девушки. – Лиза, сегодня день вашего триумфа.

Вопреки ожиданиям Луизы, собрание Комитета проводилось не в Судейской коллегии. Густав пояснил ей, что, развиваясь, штат Комитета разросся, и потребовались отдельные штабы для его подразделений. Отдел по работе с производствами располагался здесь же, в рабочем квартале, в здании биржи труда. Оно было двухэтажным и совершенно невыразительным, хоть и выглядело приличнее любого из общежитий. Весь облик этого здания указывал на его чужеродность и ненужность в заводском районе.

Внутри биржа выглядела даже более безлико, чем снаружи: выбеленные подсиненной известкой потолки и стены, грязно-коричневый дощатый пол, который отзывался скрипом на каждый шаг, заржавевший автомат с бланками и несколько пыльных стендов с информацией пятилетней давности. Было заметно, что Густаву тоже неуютно в холле первого этажа, и он поспешил провести Луизу дальше, в комнату, где проводилось собрание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.